

CHAMBER OF ARBITRATORS

Международный научно-практический юридический журнал

Сегодня в номере:

Svetlana Vasileva, Khanyi Ndaba: *From arbitration clause to enforcement: a practical guide to resolving disputes in Southern Africa for CIS parties*

Нафиса Аслонова: *Механизм предотвращения инвестиционных споров: институционализация досудебного урегулирования на ранней стадии в Узбекистане*

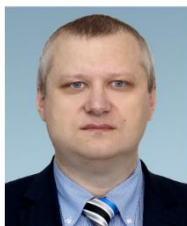
№ 6 - 2026

январь-июнь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алексей Анищенко
Sorainen, партнер, Минск

Виталий Крейдич
Спортивный третейский суд, заместитель председателя, Минск

Андрей Вашкевич
Lex Torre, партнер, Минск

Анна Козьменко
партнер практики разрешения международных споров, глава группы по работе со странами СНГ Schellenberg Wittmer, Цюрих

Дмитрий Давыденко
МГИМО МИД России, доцент, Москва

Александр Коробейников
Baker McKenzie, партнер, Алматы

Роман Зыков
Арбитражная ассоциация, генеральный секретарь, Mansors, управляющий партнер, Москва

Ма Синго
TeamSource, директор международного отдела, Гуачжоу

Виктор Каменков
Международный научно-образовательный центр медиации, примирения и третейских процедур Белорусского государственного университета, директор, Минск

Алексей Корочкин
Палата арбитров, председатель, Бюро 24, партнер, Минск

Главный редактор: **Виталий Крейдич**

Заместители главного редактора: **Валерия Дубешко, Кристина Ивашкова**

Учредитель:

Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при Союзе юристов»

Адрес: 220029, Республика Беларусь, г. Минск, ул. А.Пашкевич, 9-5Н

E-mail: info@arbchamber.by

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА РАННЕЙ СТАДИИ В УЗБЕКИСТАНЕ	
<i>Аслонова Нафиса</i>	<i>5</i>
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В АРБИТРАЖНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ КАК ИНСТИТУТЕ ЧАСТНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	
<i>Сулейменов М.К., Дуйсенова А.Е.</i>	<i>13</i>
FROM ARBITRATION CLAUSE TO ENFORCEMENT: A PRACTICAL GUIDE TO RESOLVING DISPUTES IN SOUTHERN AFRICA FOR CIS PARTIES	
<i>Svetlana Vasileva, Khanyi Ndaba.....</i>	<i>34</i>
THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN UZBEKISTAN: LEGISLATIVE REFORMS, THE RISE OF TIAC, AND FUTURE CHALLENGES IN THE DIGITAL ECONOMY	
<i>Anna Ubaydullaeva</i>	<i>51</i>

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие друзья!

Перед вами - шестой номер нашего специализированного издания «Chamber of Arbitrators». Мы традиционно стремились собрать материалы, которые соединяют теорию и практику, национальный опыт и международную перспективу. Новый номер получился особенно широким по географии и тематике: от Центральной Азии и Казахстана до Южной Африки, от инвестиционных споров до цифровизации и искусственного интеллекта.

Открывает номер статья Н. Аслоновой, посвящённая механизму предотвращения инвестиционных споров в Узбекистане. Автор анализирует институционализацию досудебного урегулирования на ранней стадии, роль Ташкентского международного арбитражного центра (ТИАС), статистику МЦУИС и процедурные гарантии независимой предварительной оценки. Особый интерес представляет описание взаимодействия ТИАС с Министерством инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан.

Статья М.К. Сулейменова и А.Е. Дуйсеновой обращается к фундаментальным вопросам пространства и времени в арбитражном разбирательстве. Авторы рассматривают сферу действия Закона Республики Казахстан «Об арбитраже», место арбитража, материальные и процессуальные сроки, автономность арбитражного соглашения, а также практику Казахстанского Международного Арбитража. Этот материал будет полезен всем, кто работает на постсоветском арбитражном пространстве.

Практическим руководством для сторон из СНГ, ведущих дела в Южной Африке, стала статья С. Василевой и К. Ндаба. Авторы проводят читателя от арбитражной оговорки до признания и исполнения решения, подробно останавливаясь на выборе места арбитража, обеспечительных мерах, судебной поддержке, государственном иммунитете, валютном контроле и санкционных вопросах. Отдельного внимания заслуживает чек-лист AFSA.

Завершает номер статья А. Убайдуллаевой об эволюции международного коммерческого арбитража в Узбекистане. В ней анализируются реформы 2021 года, роль ТИАС, признание и исполнение арбитражных решений, а также вызовы цифровой экономики и искусственного интеллекта.

Мы уверены, что материалы шестого номера будут полезны как практикующим арбитрам, медиаторам и юристам, так и исследователям, преподавателям и студентам. Благодарим авторов за сотрудничество и приглашаем читателей к дискуссии.

С почтением,

**председатель Международного
арбитражного (третейского) суда
«Палата арбитров при Союзе юристов»**

Алексей Корочкин

**Главный редактор журнала
«Chamber of Arbitrators»**

Виталий Крейдич

МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА РАННЕЙ СТАДИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Аслонова Нафиса

заместитель директора
*Ташкентского
международного арбитражного центра (ТИАС)*

В эпоху, когда арбитраж по спорам между инвестором и государством продолжает развиваться как зрелая, высокопрофессиональная и детально проработанная система разрешения споров, юрисдикции, конкурирующие за долгосрочные прямые иностранные инвестиции, оцениваются не только по существу защиты, предоставляемой инвесторам, но и по степени развитости механизмов, посредством которых споры, возникающие из такой защиты, предотвращаются, управляются и разрешаются. Международная практика последовательно демонстрирует, что значительная часть споров между инвестором и государством может быть урегулирована без обращения к полномасштабному арбитражу, при условии, что сторонам предоставлена своевременная, структурированная и профессионально администрируемая возможность для взаимодействия на ранней стадии. Именно на этом фоне Республика Узбекистан в лице Министерства инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан, в тесном сотрудничестве с Ташкентским международным арбитражным центром (ТИАС), разработала механизм предотвращения инвестиционных споров, рассмотрения обращений инвесторов и содействия их досудебному урегулированию (далее — Механизм) — институциональный инструмент, призванный превратить период урегулирования, предусмотренный большинством международных инвестиционных соглашений, из пассивной процедурной формальности в содержательную платформу для раннего, профессионально обоснованного досудебного урегулирования споров.

Досудебное урегулирование инвестиционных споров: международный опыт и статистическое обоснование

Обоснование раннего вмешательства в инвестиционные споры опирается на проверяемые институциональные данные. Согласно статистике рассмотрения дел Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), 51

процент всех дел, завершённых в 2022 календарном году, был урегулирован мировым соглашением или прекращён по иным основаниям до вынесения решения; в 2023 году этот показатель составил 31 процент, а в 2024 году — 22 процента. Несмотря на изменения этого показателя из года в год, приведённые данные подтверждают устойчивую и структурно значимую закономерность: значительная доля споров между инвестором и государством может быть разрешена без вынесения окончательного арбитражного решения, при условии что стороны имеют возможность вести диалог осознанно и своевременно. Формальный арбитраж — это состязательная процедура, призванная обеспечить окончательное и обязательное разрешение спора по существу на основе всестороннего и тщательного рассмотрения дела; именно поэтому разбирательства нередко продолжаются несколько лет, а связанные с ними юридические, экспертные и административные расходы соразмерны сложности рассматриваемых вопросов. Это отражает строгость и процессуальные гарантии, благодаря которым арбитражные решения обладают высоким авторитетом и подлежат принудительному исполнению. В то же время именно эта строгость означает, что не каждое разногласие требует полноценного судебного процесса для достижения устойчивого разрешения. Стратегический вопрос заключается не в том, подходит ли арбитраж для споров, для которых он предназначен, а в том, существует ли наряду с ним институциональная архитектура, позволяющая урегулировать часть споров на более ранней стадии, когда стороны к этому готовы, а характер вопросов это допускает. Именно этот институциональный пробел призван восполнить механизм предотвращения инвестиционных споров.

***Ташкентский международный арбитражный центр:
институциональный капитал и процессуальная добросовестность***

Доверие к любому механизму, которому поручено содействие в подборе международного арбитра, медиатора или эксперта по столь чувствительному вопросу, как спор между инвестором и государством, в первую очередь зависит от репутации самого учреждения, оказывающего такое содействие. ТІАС был учреждён в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан № ПП-4001 от 5 ноября 2018 года и приступил к работе в апреле 2019 года. За семь лет своей деятельности Центр сформировал институциональный профиль, отличающийся структурными особенностями, которые напрямую определяют его пригодность для роли, возложенной на него в рамках Механизма. ТІАС осуществляет деятельность без государственного финансирования и администрирует разбирательства без взимания административных сборов — структурные решения, укрепляющие его независимость как от государства, так и от сторон разбирательства. Процессуальные полномочия в рамках учреждения принадлежат Арбитражному суду ТІАС — автономному органу, ответственному за назначение и отвод арбитров, определение компетенции, распределение расходов и проверку проектов решений в соответствии с Арбитражным регламентом ТІАС 2021 года. Примечательно, что Директор, а также члены Арбитражного суда и Секретариата не вправе выступать в качестве

арбитров в каком-либо разбирательстве, администрируемом ТІАС, в течение срока своих полномочий, — стандарт в отношении конфликта интересов, превышающий базовый уровень, установленный Руководящими принципами Международной ассоциации юристов (МАЮ) по конфликту интересов в международном арбитраже.

Такая институциональная модель находит отражение в недавней статистике рассмотрения дел ТІАС. В 2024 году Центр зарегистрировал 43 обращения об арбитраже с международным элементом, а в 2025 году — ещё 25 новых международных дел; более четверти споров, администрировавшихся в этот период, были связаны с обеими сторонами, не являющимися резидентами Узбекистана, что свидетельствует о том, что ТІАС всё чаще выбирается в качестве нейтральной площадки вне зависимости от узбекской составляющей в основной сделке. Медианная цена иска выросла примерно с 500 000 долларов США в 2024 году до более чем 1 миллиона долларов США в 2025 году, а арбитры с международным опытом назначались примерно в 85 процентах дел, администрировавшихся в 2025 году. Решения ТІАС признавались и приводились в исполнение в различных юрисдикциях, в том числе Арбитражным судом города Москвы в декабре 2025 года, а совместно разработанный ТІАС и Гонконгским международным арбитражным центром (HKIAC) Межведомственный арбитражный регламент ТІАС-HKIAC, номинированный изданием Global Arbitration Review на премию «Лучшая инновация», уже включён в арбитражные оговорки крупных сделок в энергетическом секторе общей стоимостью свыше 1 миллиарда долларов США. Именно накопленный институциональный капитал, а не какая-либо отдельная процедурная особенность, позволяет ТІАС выполнять более специализированную и значимую роль, отведённую ему в рамках Механизма, — роль организации, содействующей в подборе и представлении кандидатур международных арбитров, медиаторов и экспертов для проведения независимой предварительной оценки споров между суверенными государствами и иностранными инвесторами.

Механизм предотвращения инвестиционных споров: процедурная архитектура и последовательность применения

Механизм приводится в действие, когда инвестор осознаёт наличие потенциальной претензии или разногласия, способного перерасти в инвестиционный спор, либо когда возникает риск возникновения такого спора. Он может быть инициирован после получения официального уведомления о претензии, в течение периода урегулирования, предусмотренного применимым международным договором или инвестиционным соглашением, либо по инициативе любой из сторон. Активация происходит посредством подачи в ТІАС обращения инвестора, сопровождаемого подтверждающей документацией и чётко сформулированным изложением правового вопроса или вопросов, являющихся предметом спора. После регистрации обращения и подтверждения уплаты соответствующего невозвратного сбора ТІАС направляет обращение

государственным органам и организациям, вовлечённым в соответствующее разногласие, предлагая им рассмотреть обращение и представить ответ вместе с любой относящейся к делу подтверждающей документацией и доказательствами, с тем чтобы впоследствии привлечённое лицо получило полную и сбалансированную картину дела от обеих сторон. ТИАС также администрирует сбор депозита в счёт ограниченного вознаграждения привлечённого лица — механизм, построенный таким образом, чтобы инвестор мог авансировать долю принимающего государства в этом депозите, с возможностью последующего возмещения посредством налогового вычета или зачёта в счёт обязательств инвестора, если по результатам независимой предварительной оценки позиция инвестора будет признана обоснованной.

Затем ТИАС оказывает содействие в подборе и представлении кандидатуры независимого международного арбитра, медиатора или эксперта либо коллегии из трёх таких лиц (далее — привлечённое лицо) — после оценки возможных конфликтов интересов и подтверждения отраслевой квалификации кандидата. Привлечённое лицо подписывает декларацию независимости и беспристрастности до принятия мандата, после чего ему передаются материалы дела, и оно вправе запросить дополнительные разъяснения или документы, строго необходимые для решения поставленного правового вопроса. Итоговый анализ ограничивается рамками мандата: привлечённое лицо не разрешает спор по существу, не производит оценку убытков и не выступает в роли арбитра по существу спора. Результатом является заключение по итогам независимой предварительной оценки узко определённого вопроса, не имеющее обязательной силы и направляемое обеим сторонам одновременно через ТИАС, служащее нейтральной, профессионально обоснованной основой для переговоров. Если сторонам не удаётся достичь урегулирования до истечения периода урегулирования, любая из них вправе перейти к арбитражу в соответствии с применимым международным договором — при этом независимая предварительная оценка к этому моменту лишь проясняет правовую картину, не ограничивая процессуальные права какой-либо из сторон.

Институциональные гарантии Механизма: независимость и беспристрастность привлекаемых лиц

Добросовестность данного процесса опирается на систему гарантий, призванных предотвратить как реальные, так и предполагаемые конфликты интересов. ТИАС ведёт реестр специалистов в областях, непосредственно связанных с инвестиционными спорами, — включая международное инвестиционное право, налогообложение, энергетику и инфраструктуру, — что позволяет точно подбирать кандидатуры международных арбитров, медиаторов и экспертов с учётом предмета и отрасли конкретного спора, уделяя особое внимание опыту кандидатов в качестве представителей сторон или арбитров в рамках Арбитражного регламента МЦУИС. На государственные органы и организации, а также инвесторов, участвующих в процедурах Механизма, возлагается непрерывная обязанность раскрывать ТИАС

любые обстоятельства, способные указывать на потенциальный конфликт интересов, а любое взаимодействие с привлечённым лицом должно осуществляться исключительно через ТИАС, что исключает одностороннее или внепроцессуальное общение любой из сторон. Сам процесс подбора кандидатур строится на принципах, отражённых в Руководящих принципах МАЮ по конфликту интересов в международном арбитраже, и ТИАС сохраняет возможность содействовать замене привлечённого лица в любой момент до вынесения заключения, если возникнут обстоятельства, ставящие под сомнение — фактически или по видимости

— его независимость. В совокупности данные гарантии призваны обеспечить, чтобы процесс на всех этапах сохранял характер нейтральной и профессионально администрируемой оценки, а не переговоров, проводимых под видом экспертизы. Информация, документы и иные материалы, полученные в рамках указанных процедур, являются конфиденциальными и не подлежат раскрытию третьим лицам без согласия соответствующей стороны, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Институциональное закрепление Механизма: координация на уровне уполномоченного органа

Помимо своей процедурной архитектуры, Механизм закреплён на уровне правительственной координации: постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан определено уполномоченным органом, ответственным за координацию его функционирования, в тесном взаимодействии с ТИАС. Это отражает более широкое стратегическое обоснование: своевременное и структурированное взаимодействие с инвесторами позволяет государству сдерживать эскалацию споров, более рационально распределять ресурсы в тех случаях, когда спор поддаётся урегулированию на досудебной стадии, сохранять конструктивные рабочие отношения с иностранными инвесторами и укреплять репутацию страны как надёжного и предсказуемого партнёра для долгосрочных инвестиций. Закрепляя Механизм в рамках единого уполномоченного органа, он призван обеспечить единую точку взаимодействия для инвесторов и скоординированную основу для внутреннего реагирования государственных органов и организаций.

Такое институциональное закрепление также устраняет одну из повторяющихся причин эскалации в отношениях между инвестором и государством — разрозненность межведомственной коммуникации. В отсутствие стандартизированного механизма отдельные государственные органы и организации могут занимать непоследовательные позиции, привлекать юридическую экспертизу слишком поздно либо не иметь доступа к независимой предварительной оценке, способной служить основой для согласованного ответа. Направляя обращения инвесторов через уполномоченный орган — Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан, — в

координации с функцией ТИАС по содействию в подборе привлекаемых лиц, Механизм призван обеспечить, чтобы реагирование государства на потенциальный спор было профессионально обоснованным и внутренне последовательным с самого начала — необходимое условие для того, чтобы любое предложение о досудебном урегулировании воспринималось инвестором как заслуживающее доверия.

Интегрированная система предотвращения споров: от процедурной формальности к практическому инструменту

Значение Механизма заключается не в какой-либо отдельной процедурной новации, а в том, каким образом он объединяет три элемента, которые по отдельности характерны для большинства существующих подходов к доарбитражному взаимодействию, но редко встречаются вместе в рамках единой согласованной системы: институциональное администрирование признанным арбитражным учреждением, чётко определённую последовательность процедурных этапов и нейтральную, необязывающую независимую предварительную оценку узко сформулированного правового вопроса. Там, где традиционные периоды урегулирования опираются на неформальные, неструктурированные переговоры между инвестором и государством — и, как следствие, существенно различаются по своей практической эффективности, — Механизм встраивает такое взаимодействие в институциональные рамки, способные обеспечить процессуальную последовательность, профессиональную строгость и очевидную нейтральность. Устоявшаяся практика рассмотрения дел ТИАС, его независимость от государственного финансирования и растущий опыт трансграничного признания обеспечивают ту институциональную репутацию, без которой привлечение международного арбитра, медиатора или эксперта для оценки спора с участием суверенного государства не имело бы значимого веса; процедурная архитектура Механизма придаёт этой репутации структуру, превращающую её в работоспособный инструмент; а институциональное руководство Министерства инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан в качестве уполномоченного органа и его межведомственный мандат обеспечивают правительственную координацию, необходимую для поддержания согласованного реагирования. Для Республики Узбекистан Механизм представляет собой средство укрепления межведомственной координации, более рационального использования ресурсов в тех случаях, когда спор поддаётся разрешению на досудебной стадии, а также формирования решений на основе профессионально обоснованной, независимой предварительной оценки, а не разрозненных внутренних позиций, сформированных под давлением времени. Для инвесторов он обеспечивает раннюю ясность в отношении правовой обоснованности потенциальной претензии на той стадии, когда отношения с принимающим государством ещё поддаются сохранению, а не эскалации в конфронтацию. В принципе, данная модель вполне применима и в других юрисдикциях, стремящихся наполнить практическим содержанием собственные предусмотренные международными договорами

периоды урегулирования, хотя её воспроизведение в иных условиях предполагало бы предварительное наличие арбитражного учреждения, способного выполнять функцию содействия подбору кандидатур с сопоставимой независимостью и международной репутацией.

Устойчивый успех Механизма будет зависеть не столько от изящества его процедурной конструкции, сколько от последовательности его реализации: дальнейшего расширения и диверсификации реестра отраслевых специалистов ТИАС, непрерывной координации государственной стороны процесса со стороны уполномоченного органа и дисциплинированного соблюдения изложенных выше процедурных сроков и гарантий. Это задачи институционального исполнения, а не концептуального замысла, и они не являются ни беспрецедентными, ни непреодолимыми. Тем не менее то, насколько успешно Механизму удастся превратить давно существующую договорную формальность в подлинно функциональный инструмент предотвращения инвестиционных споров, в конечном счёте будет зависеть от того, как эти задачи будут решаться.

Список источников

Первичные источники: законодательство и официальные документы

- Указ Президента Республики Узбекистан № ПП-4001 «Об учреждении Ташкентского международного арбитражного центра при Торгово-промышленной палате Узбекистана» (5 ноября 2018 г.), доступно по ссылке <https://lex.uz/docs/4039518>
- Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» (2021 г.), Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, доступно по ссылке <https://lex.uz/ru/docs/5689738>

Первичные источники

- Ташкентский международный арбитражный центр, Арбитражный регламент 2021 года (в действующей редакции), доступно по ссылке <https://www.tiac.uz/tiac-rules-of-arbitration>
- Ташкентский международный арбитражный центр и Гонконгский международный арбитражный центр, Межведомственный арбитражный регламент 2023 года, доступно по ссылке <https://www.tiac.uz/tiachkiac-rules-of-arbitration>
- Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, статистика рассмотрения дел МЦУИС (за 2022, 2023 и 2024 календарные годы), доступно по ссылке <https://icsid.worldbank.org/resources/publications/icsid-caseload-statistics>
- Международная ассоциация юристов, Руководящие принципы по конфликту интересов в международном арбитраже (в редакции Совета

МАЮ от 25 мая 2024 г.), доступно по ссылке <https://www.ibanet.org/resources>

Экспертные комментарии и правовой анализ

- Herbert Smith Freehills Kramer, «ICSID Caseload Statistics 2024: Key Trends and Insights» (26 февраля 2025 г.), доступно по ссылке <https://www.hsfkramer.com/notes/arbitration/2025-02/ICSID-Caseload-Statistics-2024-Key-trends-and-insights>
- Herbert Smith Freehills Kramer, «Surge in Cases as ICSID Releases Its 2023 Caseload Statistics» (2024 г.), доступно по ссылке <https://www.hsfkramer.com/notes/publicinternationallaw/2024-02/surge-in-cases-as-icsid-releases-its-2023-caseload-statistics>

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В АРБИТРАЖНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ КАК ИНСТИТУТЕ ЧАСТНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Сулейменов М.К.,

Председатель Казахстанского Международного Арбитража, председатель Правления Арбитражной палаты Казахстана, директор НИИ частного права Каспийского университета, член Научно-консультативного совета при Конституционном Суде РК, член Международного совета при Верховном Суде РК, академик НАН РК, д.ю.н., профессор

Дуйсенова А.Е.,

Исполнительный директор Казахстанского Международного Арбитража, руководитель аппарата Арбитражной палаты Казахстана, ведущий научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета, член Научно-консультативного совета при Конституционном Суде РК, член Правления Тюркской Арбитражной Ассоциации, к.ю.н.

1. Общие положения

В своих научных работах мы неоднократно обосновывали возможность существования такой отрасли права как частное процессуальное право (право альтернативного разрешения споров), которое представляет собой самостоятельную отрасль частного права, регулирующую методом юридического равенства общественные отношения по внесудебному разрешению споров и урегулированию правовых конфликтов на началах саморегулирования или самостоятельно, или с помощью посредника либо арбитра.

Мы считаем, что частное процессуальное право (право АРС) состоит из двух основных институтов:

1. Примириительные процедуры, включающие в себя два основных субинститута: переговоры (negotiation) и посредничество (mediation);
2. Арбитражное разбирательство (arbitration).

Все остальные многочисленные виды APC можно, на наш взгляд, распределить по этим основным способам APC и, соответственно, нормы о них по соответствующим правовым институтам.

В настоящей статье речь пойдет о проблемах пространства и времени в арбитражном разбирательстве как одном из важных институтов частного процессуального права (права APC).

Что касается пространства, то основные проблемы здесь связаны с определением сферы действия Закона Республики Казахстан от 8 апреля 2006 года «Об арбитраже» (далее – Закон об арбитраже), а также местом арбитражного разбирательства.

Если говорить о времени, то здесь вопросов будет намного больше. Прежде всего, это вопросы сроков, обусловленные особенностями арбитражного разбирательства как института частного процессуального права. Как известно, сроки могут быть материальными и процессуальными.

Периоды времени или моменты во времени, наступление либо истечение которых влечет определенные правовые последствия, именуются в гражданском праве сроками. Значение сроков заключается в том, что с их наступлением или истечением связаны определенные правовые последствия.

Процессуальный срок – это предусмотренный законом или назначаемый судом (судьей) промежуток времени, в течение которого должно или может быть совершено отдельное процессуальное действие либо завершена совокупность действий. Природа процессуальных сроков различна: а) сроки, установленные законом; б) сроки, установленные судом. Различие между ними состоит в том, что первые установлены как для суда, так и для лиц, участвующих в процессе, и носят императивный характер – они не могут быть изменены по соглашению сторон и суда; вторые – установлены только для лиц, участвующих в процессе, и они в случае необходимости могут быть изменены или продлены самим судом.

Если говорить о материальных сроках в арбитражном разбирательстве, то речь прежде всего идет о сроке действия арбитражного соглашения как основания для передачи дела для разрешения в арбитраж.

Процессуальные сроки в арбитражном разбирательстве, определенные в Законе об арбитраже, можно классифицировать по различным основаниям.

В зависимости от субъекта, которому адресованы конкретные процессуальные сроки, их можно подразделить на четыре группы:

1) сроки для действий, совершаемых постоянно действующим арбитражем (например, п. 6 ст. 14, п. 1 ст. 26, п. 1 ст. 35 Закона об арбитраже);

2) сроки для действий, совершаемых арбитрами (например, п. 4 ст. 20, п. 2 ст. 35, п. ст. 45, ст. 50 Закона об арбитраже);

3) сроки для действий, совершаемых сторонами арбитражного разбирательства (например, ст. 6, п. 7 ст. 17, п. 1 ст. 24, ст. 37, п. 2 ст. 40, ст. 50 Закона об арбитраже);

4) сроки для действий, совершаемых иными лицами, в частности Арбитражной палатой Казахстана (п. 6 ст. 14 Закона об арбитраже) и уполномоченным органом соответствующей отрасли или местным исполнительным органом (п. 10 ст. 8 Закона об арбитраже).

В зависимости от того, кем были установлены сроки, их так же можно подразделить на четыре группы:

1) сроки, установленные Законом об арбитраже;
2) сроки, установленные регламентом постоянно действующего арбитража;
3) сроки, определенные составом арбитража при рассмотрении конкретного дела (например, сроки, установленные процессуальным графиком для данного конкретного дела);

4) сроки, определенные сторонами арбитражного разбирательства. Эти сроки можно подразделить на два вида:

а) процессуальные сроки, которые стороны установили при разрешении спора арбитражем *ad hoc*;

б) сроки для определенных процессуальных действий, которые были изменены сторонами самостоятельно (например, стороны, заключая арбитражное соглашение о передаче спора на разрешение постоянно действующего арбитража в соответствии с его регламентом, могут сократить или увеличить те или иные процессуальные сроки, предусмотренные этим регламентом. Так, согласно п. 3 ст. 23 Регламента Казахстанского Международного Арбитража, утвержденного решением Общего собрания участников от 24 апреля 2017 года (далее – Регламент КМА) срок для избрания ответчиком Арбитра и запасного Арбитра составляет не более пятнадцати календарных дней от даты получения копии искового заявления. На практике нередко стороны сокращают этот срок до 5-7 дней. В таком случае Секретариат КМА руководствуется сроками, установленными соглашением сторон, а не п. 3 ст. 23 Регламента КМА).

В зависимости от метода регулирования сроки можно разделить на две группы:

1) императивные (их относительно немного, но они есть, например, п. 5 ст. 36, п. 4 ст. 50, п. 2 ст. 51 Закона об арбитраже);

2) диспозитивные (большинство сроков, имеющих в Законе об арбитраже, являются диспозитивными).

Сроки для подачи ходатайства об отмене арбитражного решения и заявления о выдаче исполнительного листа установлены Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан от 31 октября 2015 года (далее – ГПК) в ст. 464 и ст. 253, соответственно.

Что касается исчисления, приостановления, перерыва, продления и восстановления процессуальных сроков, то Закон об арбитраже, в отличие от ГПК, не содержит специальных норм. Такие нормы, как правило, устанавливаются в регламентах, постоянно действующих арбитражей. Например, согласно ст. 12 Регламента КМА для целей исчисления сроков по настоящему Регламенту течение

срока начинается со следующего дня после получения уведомления, извещения, сообщения или предложения. Если последний день срока падает на официальный праздник или нерабочий день в месте жительства или в месте нахождения коммерческого предприятия адресата, срок продлевается до ближайшего рабочего дня. Официальные праздники или нерабочие дни, имеющие место в течение срока, не исключаются при его исчислении.

Вопросы приостановления, перерыва, продления и восстановления процессуальных сроков, если они не определены в регламенте, при необходимости могут быть установлены составом арбитража с учетом обстоятельств конкретного дела на основании общего правила, закрепленного в п. 2-1 ст. 21 Закона об арбитраже. Согласно указанной норме правила арбитражного разбирательства, не определенные регламентом постоянно действующего арбитража, а также положениями настоящего Закона и не согласованные сторонами, определяются арбитражем.

Поскольку в рамках одной статьи невозможно детально исследовать все вопросы пространства и времени в арбитражном разбирательстве как институте частного процессуального права, позволим себе остановиться на анализе наиболее актуальных, с нашей точки зрения, проблем.

2. Сфера действия Закона об арбитраже

Преамбула Закона об арбитраже гласит: «Настоящий Закон регулирует общественные отношения, возникающие в процессе деятельности арбитража на территории Республики Казахстан, а также порядок и условия признания и приведения в исполнение в Казахстане арбитражных решений».

Преамбула определяет сферу действия Закона об арбитраже. Вопрос о сфере действия Закона встает прежде всего в связи с отменой арбитражных решений. Вопрос заключается в следующем: можно ли отменить решения иностранного арбитража? При буквальном толковании преамбулы можно прийти к следующему выводу – все вопросы деятельности арбитража (значит, и отмена его решений) касаются только арбитражей на территории Республики Казахстан, следовательно, отменить решение иностранного арбитража нельзя.

Еще один важный вопрос сферы применения Закона об арбитраже касается Международного арбитражного центра, действующего в рамках Международного финансового центра «Астана». Согласно преамбуле Закон об арбитраже регулирует общественные отношения, возникающие в процессе деятельности арбитража на территории Республики Казахстан. Помимо внутренних казахстанских арбитражей, на территории Республики Казахстан функционирует Международный арбитражный центр (МАЦ), являющийся органом Международного финансового центра «Астана» (далее – МФЦА).

Согласно п. 2 ст. 14 Конституционного Закона Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года «О Международном финансовом центре «Астана»» (далее – Конституционный закон МФЦА) Международный арбитражный центр

формируется и функционирует в соответствии с постановлением Совета «О Международном арбитражном центре».

В соответствии с Арбитражным регламентом МФЦА, утвержденным Постановлением Совета по управлению МФЦА от 5 декабря 2017 года, «Положения Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» не распространяются на арбитражи, осуществляемые в соответствии с настоящим Регламентом».

Согласно п. 1 ст. 4 Конституционного закона МФЦА действующее право Центра основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из:

- 1) настоящего Конституционного закона;
- 2) не противоречащих настоящему Конституционному закону актов Центра, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров, принимаемых органами Центра в пределах предоставленных настоящим Конституционным законом полномочий;

- 3) действующего права Республики Казахстан, которое применяется в части, не урегулированной настоящим Конституционным законом и актами Центра.

Таким образом, Закон об арбитраже, за исключением положений о признании и приведении в исполнение арбитражных решений (в силу прямой отсылки Конституционного закона МФЦА), в отношении Международного арбитражного центра не применяется.

Однако в соответствии с п. 3 ст. 14 Конституционного закона МФЦА признание и исполнение решений Международного арбитражного центра в Республике Казахстан осуществляются в том же порядке и на тех же условиях, что и признание, и исполнение арбитражных решений, вынесенных арбитражами в Республике Казахстан. При этом должен быть обеспечен перевод решений Международного арбитражного центра на казахский или русский язык в порядке, определенном актами Центра.

Признание и исполнение решений арбитражей на территории Центра осуществляются в соответствии с законодательством Республики Казахстан (п. 4 ст. 14 Конституционного закона).

Еще один важный вопрос, нуждающийся в пояснении, касается возможности применения Закона об арбитраже к составу и процедуре арбитражного разбирательства, проводимого иностранным арбитражем с местом разбирательства на территории Республики Казахстан.

В подпункте 6) ст. 2 Закона об арбитраже арбитражное разбирательство определяется как процесс рассмотрения спора. Определение правил, которым подчиняется процедура арбитражного разбирательства, имеет важное правовое значение, поскольку несоблюдение таких правил может стать основанием для отказа в признании и (или) приведении в исполнение арбитражного решения.

Согласно п. 1 ст. 57 Закона об арбитраже суд отказывает в признании и (или) приведении в исполнение арбитражного решения независимо от того, в какой стране оно было вынесено, если состав арбитража или арбитражная процедура

разбирательства не соответствовали соглашению сторон или при отсутствии такового не соответствовали законам страны, где проведено арбитражное разбирательство.

Таким образом, при проведении иностранным арбитражем разбирательства на территории Республики Казахстан при отсутствии соглашения сторон по составу арбитража или арбитражной процедуре казахстанское право в силу принципа *lex arbitri* может быть определено как право, применимое к арбитражному разбирательству. В таком случае требования к составу арбитража или арбитражной процедуре будут определяться в соответствии с Законом РК об арбитраже.

3. Место арбитражного разбирательства

В отличие от гражданского судопроизводства при арбитражном рассмотрении спора стороны арбитражного разбирательства в силу принципа автономии воли сторон наделены правом самостоятельно определять место арбитражного разбирательства, которое имеет важное процессуальное значение для арбитражного решения. Это право закреплено в ст. 22 Закона об арбитраже, согласно которой: «Стороны могут по своему усмотрению определить место арбитражного разбирательства. При отсутствии такой договоренности место арбитражного разбирательства определяется составом арбитража с учетом обстоятельств дела, включая фактор удобства для сторон».

Следует отметить, что таким правом наделены стороны и в том случае, когда спор передается ими на разрешение в постоянно действующий арбитраж, а не только арбитраж *ad hoc*.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 6 Арбитражного регламента КМА местонахождением КМА и местом проведения слушаний является город Алматы. Вместе с тем в силу п. 2 этой же статьи стороны могут согласовать проведение слушаний в другом месте как на территории Республики Казахстан, так и за ее пределами. В таком случае все дополнительные расходы, возникшие в связи с проведением слушаний вне города Алматы, возлагаются на спорящие стороны.

По делу № 87/2019, рассмотренному в КМА, стороны в арбитражной оговорке предусмотрели, что место арбитражного разбирательства будет определяться по месту нахождения ответчика. Место нахождения истца – г. Алматы, место нахождения ответчика – г. Павлодар. В связи с этим все слушания по делу были проведены с участием представителей обеих сторон, а арбитражное решение вынесено Единоличным арбитром КМА в г. Павлодаре.

Статья 22 Закона об арбитраже содержит важное восполняющее правило на случай отсутствия договоренности сторон о месте арбитражного разбирательства. Его должен определить состав арбитража, принимая во внимание обстоятельства дела, включая фактор удобства для сторон.

Так, по одному из дел обе спорящие стороны, заключившие оговорку о передаче спора на разрешение в Казахстанский Международный Арбитраж, были расположены в г. Астана. При этом в арбитражной оговорке стороны не определили

место арбитражного разбирательства. В качестве Единоличного арбитра сторонами был избран арбитр, постоянно проживающий в г. Астана. С учетом обстоятельств дела, включая фактор удобства для сторон, Единоличный арбитр определил г. Астана в качестве места арбитражного разбирательства.

Статья 22 Закона об арбитраже лишь частично соответствует ст. 20 Типового закона ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ), которая гласит:

«1) Стороны могут по своему усмотрению договориться о месте арбитража. В отсутствие такой договоренности место арбитража определяется арбитражным судом с учетом обстоятельств дела, включая фактор удобства для сторон.

2) Несмотря на положения пункта 1 настоящей статьи, арбитражный суд может, если стороны не договорились об ином, собраться в любом месте, которое он считает надлежащим для проведения консультаций между его членами, заслушивания свидетелей, экспертов или сторон либо для осмотра товаров, другого имущества или документов».

Дело в том, что ст. 22 Закона об арбитраже не содержит правила, закрепленного в подпункте 2) ст. 20 Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Понятие «место арбитража» в Типовом законе ЮНСИТРАЛ и в праве многих современных развитых государств является юридической фикцией, которая призвана привязывать юридически третейское разбирательство к правопорядку конкретной страны (*lex arbitri*) .

Правоведами, занимающимися вопросами третейского разбирательства, неоднократно подчеркивалось, что место арбитража и место проведения заседания арбитража не одно и то же. Это же касается и места принятия решения арбитража . Кроме того, место арбитражного разбирательства и место нахождения постоянно действующего арбитража могут различаться.

Помимо понятия «место арбитражного разбирательства», в Законе об арбитраже используются понятия «место заседания арбитража» (ст. ст. 26, 29, 36) и «место проведения заседания» (ст. 32). Полагаем, что понятия «место заседания арбитража» и «место проведения заседания» обозначают одно и то же, а именно, место проведения заседаний состава арбитража.

Вместе с тем, понятия «место заседания арбитража» и «место проведения заседания» не равнозначны понятию «место арбитражного разбирательства», поскольку последнее не только определяет место проведения заседаний, но имеет правовое значение и в иных случаях:

1) согласно п. 3 ст. 32 Закона об арбитраже при проведении арбитражного заседания или его части с использованием видеоконференцсвязи и иных программ, технических средств, местом проведения заседания, вынесения решения является место арбитражного разбирательства, определяемое в соответствии со ст. 22 Закона об арбитраже;

2) пунктом 3 ст. 45 Закона об арбитраже предусмотрено, что арбитражное решение считается принятым в месте арбитражного разбирательства и вступает в силу в день, когда оно подписано арбитром (арбитрами).

Соответственно, место арбитражного разбирательства охватывает как место проведения заседаний арбитража, так и место вынесения решения.

Следует отметить, что в законодательстве РК также применяется понятие «место рассмотрения спора» (см. подп. 2) п. 1 ст. 41 Закона об арбитраже, п. 1 ст. 253 ГПК, подп. 1) п. 2 ст. 464 ГПК, п. 1 ст. 503 ГПК). В то же время полагаем, что применительно к арбитражному разбирательству понятие «место рассмотрения спора» равнозначно понятию «место арбитражного разбирательства».

Место арбитражного разбирательства влияет также на вопросы обеспечения иска, рассматриваемого в арбитраже, поскольку согласно п. 2 ст. 39 Закона об арбитраже заявление об обеспечении иска, рассматриваемого в арбитраже, подается стороной в суд по месту осуществления арбитражного разбирательства или месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты обеспечительные меры.

Место арбитражного разбирательства влияет на правовой режим принудительного исполнения арбитражных решений. Так, в соответствии с п. 1 ст. 253 ГПК суд, в который сторона арбитражного разбирательства (взыскатель) может обратиться с заявлением о принудительном исполнении арбитражного решения, определяется местом рассмотрения спора либо местом жительства должника или местом нахождения органа юридического лица, если место жительства или место нахождения неизвестно, то местом нахождения имущества должника. Аналогичные правила предусмотрены и для принудительного исполнения арбитражных решений иностранных арбитражей (п. 1 ст. 503 ГПК).

Кроме того, место вынесения решения и место проведения арбитражного разбирательства могут определять обстоятельства, которые в соответствии со ст. 255 ГПК являются основаниями для отказа в принудительном исполнении арбитражного решения. Так, согласно подп. 1) п. 1 ст. 255 ГПК суд выносит определение об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения, если сторона, против которой было принято арбитражное решение, представит в суд доказательства, помимо прочего, того, что:

1) состав арбитража или арбитражная процедура разбирательства не соответствовали соглашению сторон или при отсутствии такового не соответствовали законам страны, где проведено арбитражное разбирательство;

2) решение еще не стало обязательным для сторон или было отменено, или его исполнение было приостановлено судом страны, в соответствии с законом которой оно было вынесено.

Важное процессуальное значение место арбитражного разбирательства приобретает в случае отмены арбитражного решения. Согласно п. 2 ст. 464 ГПК ходатайство об отмене арбитражного решения подается в соответствующий суд апелляционной инстанции Республики Казахстан:

1) по месту рассмотрения спора арбитражем, если арбитражное решение принято на территории Республики Казахстан;

2) по месту нахождения постоянно действующего арбитража, если арбитражное решение принято по закону Республики Казахстан в иностранном государстве;

3) по месту образования арбитража в Республике Казахстан, если арбитражное решение принято по закону Республики Казахстан в иностранном государстве.

Место арбитражного разбирательства также имеет важное значение при решении вопроса о действительности арбитражного соглашения при отсутствии указания сторон на применимое право в отношении арбитражного соглашения.

Так, в соответствии с частью второй подпункта 1) п. 1 ст. 57 Закона об арбитраже суд отказывает в признании и (или) приведении в исполнение арбитражного решения независимо от того, в какой стране оно было вынесено, по следующим основаниям, если: сторона, против которой было принято арбитражное решение, представит в суд доказательства того, что арбитражное соглашение недействительно по законам государства, которым стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону страны, где решение было вынесено. Согласно п. 3 ст. 45 Закона об арбитраже арбитражное решение считается принятым в месте арбитражного разбирательства.

4. Материальные сроки

4.1. Срок действия арбитражного соглашения

Как правило, заключая арбитражное соглашение, стороны не оговаривают срок его действия. Поэтому, как правило, арбитражное соглашение действует весь период существования споров, вытекающих из правоотношений сторон основного договора. При этом важное значение имеет автономность арбитражного соглашения, т.е. его юридическая независимость от основного договора, в текст которого оно включено в виде арбитражной оговорки (речь идет о принципе автономности арбитражного соглашения).

Этот принцип является новым для арбитражного законодательства РК. В юридической теории довольно давно была сформулирована доктрина автономности арбитражного соглашения. В большинстве стран доктрина автономности арбитражного соглашения первоначально появилась в судебной практике и лишь потом стала нормой закона. Вслед за Типовым законом ЮНСИТРАЛ принцип автономности арбитражной оговорки в настоящее время закреплён в законодательстве многих стран.

Однако законодательство Казахстана вплоть до принятия и введения в действие Закона об арбитраже не содержало специальных норм об автономности арбитражной оговорки. В настоящее время доктрина автономности арбитражного соглашения закреплена в подпункте 7) ст. 5, а также п. 1 ст. 20 Закона об арбитраже. Так, арбитражное разбирательство осуществляется с соблюдением принципа

автономности арбитражного соглашения, означающей, что отмена, изменение или признание недействительной арбитражной оговорки не приводят к прекращению, изменению или признанию недействительным основного соглашения. Соответственно отмена, изменение или признание не действительным основного соглашения не приводят к прекращению, изменению или признанию недействительной арбитражной оговорки.

В соответствии с п. 1 ст. 20 Закона об арбитраже арбитраж самостоятельно решает вопрос о наличии или отсутствии у него полномочий (юрисдикции) рассматривать переданный на его разрешение спор, в том числе в случаях, когда одна из сторон возражает против арбитражного разбирательства по причине недействительности арбитражного соглашения. Для этой цели арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, толкуется как соглашение, не зависящее от других условий договора. Вынесение арбитражем решения о недействительности договора не влечет за собой недействительности арбитражной оговорки.

Вопрос о признании недействительности арбитражного соглашения в случае признания недействительным основного контракта решается однозначно: недействительности арбитражного соглашения такое признание не влечет. Сложнее обстоит дело с передачей права требования по договору (цессия). Влечет ли такая передача за собой и переход права по арбитражной оговорке? Долгое время судебная практика в Казахстане была достаточно противоречивой по данному вопросу несмотря на то, что в доктрине гражданского и арбитражного права этот вопрос нами был довольно детально аргументирован.

Примечательно, что при обсуждении проекта Нормативного постановления Верховного Суда нам удалось этот подход закрепить и в самом Нормативном постановлении, п. 16 которого теперь гласит:

«В соответствии с пунктом 1 статьи 339 ГК право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании законодательного акта. При оценке объема прав кредитора, переданных другому лицу, следует руководствоваться положениями статьи 341 ГК.

Согласно статье 341 ГК, если иное не предусмотрено законодательными актами или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на неполученное вознаграждение (интерес).

В этой связи арбитражная оговорка, предусмотренная в письменном договоре между первоначальным кредитором и заемщиком, является частью этого договора и обязательством, подлежащим исполнению сторонами, что дает право стороне в случае возникновения спора обратиться с иском в арбитраж. Исключения могут быть, когда в договоре цессии стороны предусмотрели оговорки, из которых

следует, что ранее согласованное в договоре условие об арбитражной оговорке стороны решили исключить».

4.2. Утрата силы арбитражного соглашения

Наиболее распространенными частными случаями, когда арбитражное соглашение утрачивает силу, являются случаи истечения срока действия арбитражного соглашения (если стороны предусмотрели такой срок), а также наступление отменительного условия (если арбитражное соглашение было заключено как сделка под отменительным условием). При этом в силу принципа автономности арбитражного соглашения отмена, изменение или признание недействительным основного соглашения не приводят к прекращению, изменению или признанию недействительной арбитражной оговорки.

Арбитражное соглашение также утрачивает силу при передаче спора в государственный суд, если ни одна из сторон не заявляет самостоятельных возражений против этого.

Интересен имевший место в казахстанский судебной практике случай, когда сторона утратила право на обращение в арбитраж в соответствии с условиями арбитражной оговорки, а арбитраж, соответственно, не имел права выносить решения по спору.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Алматинского городского суда от 7 марта 2018 года № 2А-1499/2018 по гражданскому делу по иску ООО «Д» к АО «К» о взыскании суммы, поступившему по частной жалобе ответчика на Определение СМЭС г. Алматы от 24 января 2018 года указанное Определение, а также арбитражное решение Международного арбитража «IUS» по делу №328-ТС от 23 ноября 2017 года по иску ООО «Д» к АО «К» о взыскании суммы были отменены.

Коллегией было установлено, что на момент обращения в арбитраж и рассмотрения в дела в арбитраже, у арбитража отсутствовали полномочия рассматривать дело. Так, пунктом 9.1 раздела «Общие условия и положения» Контрактов на закупку предусмотрено, что «все споры и разногласия, возникающие в процессе исполнения, изменения, расторжения настоящего Контракта, регулируются путем переговоров». Пунктом 9.2. предусмотрено, что, если в результате таких переговоров Покупатель и Поставщик не могут разрешить спор по Контракту, любая из сторон может в письменном виде потребовать решения этого вопроса в течение 21 рабочего дня с момента начала диспута, в случае с поставщиком из Российской Федерации, посредством передачи спора на рассмотрение в Международный арбитраж «IUS» с составом из трех арбитров и местом проведения арбитража в г. Санкт-Петербург.

Из материалов дела коллегия усматривает, что спор возник с момента нарушения прав стороны контрактов, это произошло, как только наступил срок оплаты по договорам в 2016 году, но в любом случае до даты подачи претензии со стороны ООО «Д» от 29.07.2017 года. Сроки оплаты со стороны заявителя наступили 07.05.2016 года по контракту №10446; по контракту №10736 срок наступил

14.07.2016 года; по контракту №10709 – 22.06.2016 года; по контракту №10749 – 05.07.2016 года; по контракту №02886 – 29.12.2016 года.

Однако иск ООО «Д» был заявлен в арбитраж только 25.07.2017 года, то есть с пропуском срока в 21 рабочих дня с момента возникновения спора (диспута).

Вывод суда первой инстанции о том, что арбитражная оговорка действует, никак не противоречит доводам АО «К», поскольку заявитель не отрицает, что арбитражная оговорка действует, условия обращения в арбитраж, которые в ней предусмотрены, не были соблюдены, поэтому ООО «Д» утратило право обратиться в арбитраж в соответствии с ее условиями, а арбитраж не имел права выносить по нему решения, и такой спор может быть рассмотрен по общим правилам ГПК РК.

Решение арбитража противоречит подпунктам 1) и 4) п. 1 ст. 52 Закона об арбитраже: решение вынесено по вопросу, не предусмотренному арбитражным соглашением и не подпадающему под его условия.

4.3. Действие арбитражного соглашения при отмене арбитражного решения

При отмене арбитражного решения может возникнуть вопрос о том, прекращает ли в связи с этим действовать арбитражное соглашение?

Пункт 3 ст. 44 утратившего силу Закона о третейских судах предусматривал: «в случае отмены решения третейского суда любая из сторон вправе в соответствии с третейским соглашением обратиться в третейский суд. В случае, если решение третейского суда отменено полностью или частично вследствие недействительности третейского соглашения или потому, что решение принято по спору, не предусмотренному третейским соглашением или не подпадающему под его условия, либо содержит постановление по вопросам, не охватываемым третейским соглашением, соответствующий спор дальнейшему рассмотрению в третейском суде не подлежит».

Закон об арбитраже не содержит подобных норм о возможности повторного обращения в арбитраж в случае отмены арбитражного решения судом. Данный пробел был исправлен в п. 32 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан № 3 от 2 ноября 2023 года «О некоторых вопросах применения судами арбитражного законодательства» (далее – Нормативное постановление ВС):

«Если арбитражное решение отменено по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 52 Закона, а также в случаях, если:

арбитражное решение содержит решение по вопросу, не предусмотренному арбитражным соглашением;

арбитражное решение содержит решение по вопросу, не подпадающему под условия арбитражного соглашения;

арбитражное решение содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения;

спор не подведомствен арбитражу;

арбитражное соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания по законодательству Республики Казахстан, то сторона вправе обратиться в суд для разрешения спора.

В остальных случаях не утрачивается право на обращение в арбитраж согласно заключенному между сторонами арбитражному соглашению.

Судам необходимо иметь в виду, что правило, изложенное в абзаце втором подпункта 1) пункта 1 статьи 52 Закона об арбитраже, позволяет сохранить в силе арбитражное решение по вопросам, которые охватываются арбитражным соглашением. Но применить его можно только в том случае, если арбитражные решения по этим вопросам могут быть отделены от решений по вопросам, которые не охватываются арбитражным соглашением».

5. Процессуальные сроки

5.1. Начало арбитражного разбирательства

Процессуальные сроки в арбитражном разбирательстве могут быть тесно связаны с материальными сроками, прежде всего такими как сроки защиты гражданских прав, которые представляют собой сроки, предоставленные управомоченному лицу для обращения в суд (арбитраж) за защитой своих нарушенных прав. Иначе их в гражданском праве называют «сроки исковой давности».

Исковая давность является гражданско-правовым институтом, определяющим сроки для защиты нарушенного материального права. Под исковой давностью понимается срок для судебной защиты нарушенного права. Под сроком защиты нарушенного права понимается срок, в течение которого лицо, право которого нарушено, может требовать принудительного осуществления защиты своего права. Поскольку основным средством защиты нарушенного гражданского права является удовлетворение иска, то указанный срок и получил название срок исковой давности.

В соответствии с п. 1 ст. 183 Гражданского кодекса РК течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке, заключением сторонами договора о медиации, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга или иной обязанности. Правило о перерыве течения срока исковой давности применяется и при предъявлении иска в арбитраж. Однако при подаче иска в арбитраж важное значение приобретает вопрос начала арбитражного разбирательства, поскольку он по-разному определяется в зависимости от того, какой арбитраж рассматривает спор – постоянно действующий или *ad hoc*. Кроме того, в различных юрисдикциях момент начала тоже определяется по-разному.

В международной практике традиционно сложились две базовые модели начального этапа арбитражного разбирательства. Как отмечает М.Ю. Савранский, по одной из них в арбитраж изначально представляется исковое заявление с развернутым изложением позиции истца с приложением всех доказательств (такая

процедурная особенность характерна для судов и арбитражей в России и иных странах СНГ). Вторая модель (принятая в западных странах) предполагает подачу лишь краткого заявления (уведомления или просьбы об арбитраже), в котором содержится тезисное изложение позиции истца по существу, его исковые требования и предложения по организации разбирательства. Ответчик в своем отзыве аналогичным образом формирует свои пояснения и возражения.

В Казахстане законодательно закреплена первая модель, связывающая начало арбитражного разбирательства с подачей искового заявления и вынесением постоянно действующим арбитражем определения о возбуждении арбитражного разбирательства. Так, согласно п. 1 ст. 26 Закона об арбитраже, если иное не предусмотрено соглашением сторон или регламентом, арбитраж, приняв исковое заявление, в течение десяти календарных дней выносит определение о возбуждении арбитражного разбирательства в соответствии с регламентом арбитража или правилами, согласованными сторонами, извещает стороны о месте его рассмотрения, предлагает ответчику представить письменный отзыв на исковое заявление.

Пункт 1 ст. 26 Закона об арбитраже содержит диспозитивную норму относительно срока, в течение которого постоянно действующий арбитраж, приняв исковое заявление обязан вынести такое определение. Срок может быть установлен соглашением сторон или регламентом постоянно действующего арбитража. Если иное не предусмотрено соглашением или регламентом, то арбитраж в течение десяти календарных дней должен вынести определение о возбуждении арбитражного разбирательства. Кроме того, арбитраж должен в соответствии с регламентом арбитража или правилами, согласованными сторонами, известить стороны о месте рассмотрения спора, а также предложить ответчику представить письменный отзыв на исковое заявление.

Между тем, в юридической литературе отмечалось, что в третейском судопроизводстве подача искового заявления не всегда обязательно является исходной точкой процесса, т.к. в отличие от государственного суда, в третейском суде процедуры могут начаться не с подачи искового заявления, а с выбора сторонами третейских судей.

Иным образом определяется момент начала арбитражного разбирательства при арбитраже *ad hoc*. Так, в соответствии с п. 2 ст. 26 Закона об арбитраже, если стороны не договорились об ином, арбитражное разбирательство в отношении конкретного спора начинается в день, когда просьба о передаче этого спора в арбитраж получена ответчиком. Эта норма полностью соответствует Типовому закону ЮНСИТРАЛ, ст. 21 которого предусматривает следующее: «Если стороны не договорились об ином, арбитражное разбирательство в отношении конкретного спора начинается в день, когда просьба о передаче этого спора в арбитраж получена ответчиком».

5.2. Срок арбитражного разбирательства

Статья 35 Закона об арбитраже устанавливает сроки подготовки дела к арбитражному разбирательству, рассмотрения и разрешения споров. Приведем ее полностью:

«1. Подготовка дел к арбитражному разбирательству должна быть проведена не позднее пятнадцати календарных дней со дня принятия заявления, если иной срок не установлен регламентом или соглашением сторон. В исключительных случаях по делам особой сложности этот срок может быть продлен до одного месяца по мотивированному определению арбитража.

2. Споры рассматриваются и разрешаются арбитражем в срок до двух месяцев со дня окончания подготовки дела к арбитражному разбирательству, если иной срок не установлен регламентом или соглашением сторон.

3. Установленные сроки могут быть продлены арбитражем, исходя из сложности рассматриваемого спора.

4. Если арбитр необоснованно задерживает арбитражное разбирательство, стороны имеют право ходатайствовать об его отводе и назначении нового арбитра».

На наш взгляд, эта статья представляет собой яркий пример бессмысленной «судоизации» арбитражного законодательства. Ни Типовой закон ЮНСИТРАЛ, ни национальные законы об арбитраже других стран, ни ранее действовавшие Законы Республики Казахстан от 28 декабря 2004 год «О третейских судах» и «О международном арбитраже» подобной статьи не содержат за ненадобностью.

Арбитраж отличается от судов тем, что в арбитраже нет и не должно быть таких же жестких сроков, как в ГПК. Арбитраж может и очень быстро рассмотреть спор, а может и очень долго. Главное – это разобраться в деле и вынести законное и обоснованное арбитражное решение, которое в последующем не может быть пересмотрено по существу ни судом, ни самим арбитражем. Окончателюность арбитражного решения – одно из преимуществ арбитражного разбирательства, отличающих его от гражданского судопроизводства. Кроме того, вопрос о сроках (за исключением отдельных императивных норм, прямо предусмотренных Законом об арбитраже) всегда решается в регламентах постоянно действующих арбитражей или соглашением сторон. Именно поэтому все нормы данной статьи являются диспозитивными.

Пункт 1 ст. 35 Закона об арбитраже является калькой п. 1 ст. 164 ГПК. Разработчики Закона об арбитраже, заимствовав данную норму, не учли ряд особенностей арбитражного разбирательства. Во-первых, Закон об арбитраже, в отличие от ГПК, вообще не выделяет такой стадии, как подготовка дела к разбирательству. Эта стадия имеет очень важное процессуальное значение для гражданского судопроизводства и в соответствии с положениями гл. 16 ГПК включает в себя: выполнение судом действий по подготовке к судебному разбирательству; предварительные действия сторон по обмену документами, в частности, обмен искомым заявлением и отзывом на него; проведение предварительного судебного заседания; проведение примирительных процедур.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 73 ГПК доказательства могут представляться сторонами и другими лицами, участвующими в деле, в суд первой инстанции лишь на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, за исключением случаев, перечисленных в указанной статье.

Статья 35 Закона об арбитраже была вырвана из главы 16 ГПК и механически имплементирована в Закон об арбитраже. На стадии так называемой подготовки дела к арбитражному разбирательству состав арбитража еще только формируется, в то время, как в суде все действия, связанные подготовкой дела к разбирательству, выполняются уже назначенным судьей, который совершает ряд процессуальных действий, в том числе таких, как по ходатайству стороны или по собственной инициативе назначать экспертизу, а также разрешать вопрос о привлечении к участию в деле специалиста, переводчика; разрешать вопрос о вызове свидетелей в судебное заседание и др.

При арбитражном разбирательстве указанные действия постоянно действующий арбитраж, оказывающий сторонам услуги только по администрированию спора, произвести не может. Это вправе сделать только состав арбитража или единоличный арбитр. В функции постоянно действующего арбитража входит только принятие искового заявления, направления его ответчику с предложением сформировать состав арбитража.

Кроме того, арбитражное разбирательство во всем мире является намного более гибкой процедурой по сравнению с рассмотрением дел в суде. Именно поэтому какие бы то ни было сроки подготовки дела к рассмотрению решаются только составом арбитража с учетом мнения спорящих сторон, путем согласования со сторонами графика представления документов, проведения слушаний и т.д.

Во-вторых, Закон об арбитраже не предусматривает такого понятия, как «дела особой сложности». Правило о том, что в исключительных случаях по делам особой сложности этот срок может быть продлен до одного месяца по мотивированному определению арбитража, было также заимствовано из части второй п. 1 ст. 164 ГПК. Поэтому арбитраж сам решает, какие именно дела являются делами особой сложности.

В случаях, когда подготовка дела к арбитражному разбирательству проводится в срок более пятнадцати календарных дней со дня принятия заявления (если, например, регламентом или соглашением сторон предусмотрен более длительный срок), предложение второе входит в противоречие с предложением первым п. 1 ст. 35 Закона об арбитраже.

Пункт 2 ст. 35 Закона об арбитраже также был необоснованно заимствован из п. 2 ст. 183 ГПК, предусматривающего, что гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом в срок до двух месяцев со дня окончания подготовки дела к судебному разбирательству. Но, в отличие от п. 2 ст. 183 ГПК, п. 2 ст. 35 Закона об арбитраже является диспозитивным, поскольку содержит фразу «если иной срок не установлен регламентом или соглашением сторон».

В отличие от ГПК, Закон об арбитраже не проводит различий между терминами «рассмотрение» и «разрешение» спора, поэтому их можно считать синонимами. Пункт 2 ст. 35 Закона об арбитраже связывает двухмесячный срок рассмотрения спора арбитражем с днем окончания подготовки дела к арбитражному разбирательству, если иной срок не установлен регламентом или соглашением сторон.

Вместе с тем, регламенты постоянно действующих арбитражей могут иным образом определять срок рассмотрения спора и устанавливать иную его продолжительность. Так, согласно ст. 10 Арбитражного регламента КМА принимает меры к тому, чтобы разбирательство дела, по возможности, было завершено в срок не более тридцати дней со дня образования состава арбитража (избрания или назначения единоличного Арбитра). В исключительных случаях этот срок может быть продлен по решению Председателя КМА.

5.3. Срок заявления возражений по компетенции арбитража

В соответствии с п. 1 ст. 20 Закона об арбитраже арбитраж самостоятельно решает вопрос о наличии или отсутствии у него полномочий (юрисдикции) рассматривать переданный на его разрешение спор, в том числе в случаях, когда одна из сторон возражает против арбитражного разбирательства по причине недействительности арбитражного соглашения. Для этой цели арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, толкуется как соглашение, не зависящее от других условий договора. Вынесение арбитражем решения о недействительности договора не влечет за собой недействительности арбитражной оговорки. Согласно п. 2 ст. 20 Закона об арбитраже сторона вправе заявить об отсутствии у арбитража полномочий рассматривать переданный на его разрешение спор до представления ею первого заявления по существу спора.

В этой связи интересен случай из практики КМА. Между казахстанским и иностранным юридическим лицом были заключены несколько самостоятельных договоров на поставку оборудования и запасных частей, а также монтажные и проектные работы в рамках проекта по строительству комплекса. В исковом заявлении Истец утверждал, что в каждом из спорных договоров была предусмотрена арбитражная оговорка Казахстанского Международного Арбитража, включенная в текст Общих условий, являющихся приложением к договору.

Ответчик до начала первого слушания подал отзыв на исковое заявление, в котором не возражал против компетенции КМА, и, помимо возражений по существу иска по всем спорным договорам, выдвинул ряд встречных требований к истцу, в частности по устранению выявленных дефектов и завершению монтажных работ. Секретариатом КМА Ответчику было предложено в соответствии со ст. 17 и 21 Регламента определить цену встречных исковых требований, а также уплатить регистрационный и арбитражный сборы по встречному исковому заявлению до начала слушания по существу. Однако Ответчик передумал выдвигать встречные исковые требования и подал изменения и дополнения к отзыву, в которых также не возражал против компетенции КМА, привел полный текст арбитражной оговорки, и

существенно дополнил свою аргументацию по существу иска по всем спорным договорам.

Во время первого заседания арбитража по данному делу Ответчик подал Ходатайство об отказе в рассмотрении части исковых требований по двум договорам, в которых, по мнению Ответчика, была предусмотрена арбитражная оговорка CIETAC с местом арбитражного разбирательства в г. Пекин, КНР. В связи с этим Состав арбитража отложил слушание дела для разрешения вопроса о наличии или отсутствии у Состав арбитража КМА полномочий (юрисдикции) рассматривать спор по данному делу.

По итогам проведения с участием представителей обеих спорящих сторон второго слушания Состав арбитража КМА пришел к выводу о наличии полномочий (юрисдикции) рассматривать спор по данному делу, исходя из следующих обстоятельств.

Согласно п. 1 ст. 8 Закона об арбитраже спор может быть передан на рассмотрение арбитража при наличии заключенного между сторонами арбитражного соглашения. В соответствии с п. 1 ст. 9 Закона об арбитраже арбитражное соглашение заключается в письменной форме. Арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно содержится в виде арбитражной оговорки в документе, подписанном сторонами, либо заключенным путем обмена письмами, телеграммами, телефонограммами, факсами, электронными документами или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления. Аналогичные нормы предусмотрены в п. 3 ст. 1 Регламента КМА.

Согласно п. 1 ст. 33 Закона об арбитраже, п. 1 ст. 38 Регламента КМА каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на обоснование своих требований и возражений. Арбитр вправе, если сочтет представленные доказательства недостаточными, предложить сторонам представить дополнительные доказательства.

По запросу Состав арбитража в Ответчиком Секретариат КМА были представлены оригиналы всех договоров и общих условий, с которыми Истец так же имел возможность ознакомиться. Указанные документы были исследованы Составом арбитража, который установил, что представленные Ответчиком копии вышеперечисленных документов соответствуют оригиналам, переданным в Секретариат.

Вместе с тем, Состав арбитража отметил следующее:

1) Договор № 99 и Приложение № 1 «Общие условия и положения» (п. 11 которого содержит арбитражную оговорку CIETAC с местом арбитражного разбирательства в г. Пекин, КНР) в оригинале на бумажном носителе представляют собой два отдельных документа, не скрепленных в единый документ; каждый из них содержит самостоятельную нумерацию страниц; Приложение № 1 не содержит указания на то, что оно является таковым по отношению к Договору № 99);

2) Договор № 37 и Приложение № 1 «Общие условия и положения» (п. 11 которого содержит арбитражную оговорку СИЕТАС с местом арбитражного разбирательства в г. Пекин, КНР) в оригинале на бумажном носителе представляют собой два отдельных документа, не скрепленных в единый документ; Договор № 37 имеет нумерацию страниц; нумерация страниц в Приложении № 1 отсутствует, за исключением номера на первой странице; в Приложении № 1 отсутствуют последние страницы с датой, реквизитами, подписями и печатями Сторон, Приложение № 1 не содержит указания на то, что оно является таковым по отношению к Договору № 37).

При указанных обстоятельствах Состав арбитража считает доводы Ответчика о том, что в отношении Договора № 99 и Договора № 37 Стороны заключили арбитражное соглашение о передаче споров на рассмотрение в СИЕТАС с местом арбитражного разбирательства в г. Пекин, КНР, содержащееся в п. 11 Приложения № 1 «Общие условия и положения», недоказанными.

Согласно п. 1 ст. 20 Закона об арбитраже арбитраж самостоятельно решает вопрос о наличии или отсутствии у него полномочий (юрисдикции) рассматривать переданный на его разрешение спор, в том числе в случаях, когда одна из сторон возражает против арбитражного разбирательства по причине недействительности арбитражного соглашения. Для этой цели арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, толкуется как соглашение, не зависящее от других условий договора. Вынесение арбитражем решения о недействительности договора не влечет за собой недействительности арбитражной оговорки. Аналогичные нормы предусмотрены в п. 5 ст. 1 Регламента КМА.

При этом в соответствии с п. 2 ст. 20 Закона об арбитраже сторона вправе заявить об отсутствии у арбитража полномочий рассматривать переданный на его разрешение спор до представления ею первого заявления по существу спора.

Как следует из материалов дела, Ответчик в Отзыве на исковое заявление, а также в Изменениях и дополнениях к отзыву на исковое заявление неоднократно высказывал свои возражения по существу спора по всем Договорам, в том числе по Договору № 99 и Договору № 37, не оспаривая компетенцию Казахстанского Международного Арбитража. Заявления об отсутствии у Состава арбитража полномочий рассматривать переданный на разрешение КМА спор Ответчик сделал после представления своего первого заявления по существу спора, а именно в Ходатайстве об отказе в рассмотрении части исковых требований.

В соответствии с п. 2 ст. 9 Закона об арбитраже арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме, если оно заключается путем обмена исковым заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает. Аналогичные нормы предусмотрены в п. 4 ст. 1 Регламента КМА.

Таким образом, Состав арбитража приходит к выводу о том, что при наличии указанных обстоятельств Стороны в отношении Договора № 99 и Договора № 37 заключили арбитражное соглашение о передаче споров на разрешение в

Казахстанский Международный Арбитраж путем обмена иском заявлением и отзывом на исковое заявление с учетом изменений и дополнений.

Ответчик, не согласившись с Определением Состав арбитража о наличии полномочий рассматривать переданный на разрешение КМА спор, в числе прочего привел довод о том, что на момент подачи им Ходатайства об отказе в рассмотрении части исковых требований рассмотрение спора по существу не было начато, устное слушание не проводилось, спор по существу не рассматривался, а потому возражение было подано им своевременно.

Очевидно, что в данном случае Ответчик ошибочно толкует п. 2 ст. 20 Закона об арбитраже. Пункт 12 Нормативного постановления ВС гласит:

«Пункт 2 статьи 20 Закона об арбитраже устанавливает срок, в течение которого сторона вправе заявить об отсутствии у арбитража полномочий рассматривать переданный на его разрешение спор. Указанное право может быть реализовано только до представления ею первого заявления по существу спора. Закон об арбитраже не определяет форму такого заявления (отзыв по существу спора, устные пояснения). Этот вопрос должен решаться составом арбитража с учетом положений регламента, а также обстоятельств дела».

В данном случае Состав арбитража с учетом обстоятельств дела пришел к выводу о том, что Ответчик утратил право на заявление об отсутствии у арбитража полномочий рассматривать переданный на его разрешение спор в связи с тем, что Ответчик выдвинул такое заявление после неоднократных высказываний по существу спора, зафиксированных в отзыве по существу спора и изменениях и дополнениях к отзыву.

5.4. Срок подачи заявления на принудительное исполнение

В соответствии с п. 1 ст. 54 Закона об арбитраже арбитражное решение признается обязательным и при подаче в суд письменного заявления приводится в исполнение в соответствии с гражданским процессуальным законодательством РК. При этом п. 2 этой статьи гласит: «Если в арбитражном решении срок не установлен, то оно подлежит немедленному исполнению».

Принудительное исполнение арбитражного решения осуществляется по правилам исполнительного производства, действующим на момент исполнения арбитражного решения, на основе выданного судом исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения (п. 2 ст. 55 Закона об арбитраже). Заявление о принудительном исполнении арбитражного решения подается в суд в соответствии с гражданским процессуальным законодательством РК (п. 3 ст. 55 Закона об арбитраже).

Срок подачи такого заявления установлен в ГПК. Так, в соответствии с п. 3 ст. 253 ГПК заявление о выдаче исполнительного листа может быть подано не позднее трех лет со дня окончания срока для добровольного исполнения арбитражного решения.

Заявление о выдаче исполнительного листа, поданное с пропуском установленного срока, к которому не были приложены ходатайство о

восстановлении срока и подтверждающие документы, возвращается судом без рассмотрения, о чем выносится определение. На определение может быть подана частная жалоба, принесено ходатайство прокурором в суд апелляционной инстанции, решение которого является окончательным (п. 4 ст. 253 ГПК).

Суд вправе восстановить срок на подачу заявления о выдаче исполнительного листа, если признает причины пропуска указанного срока уважительными (п. 5 ст. 253 ГПК).

Законом Республики Казахстан от 10 июня 2020 г. № 342-VI «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам внедрения современных форматов работы судов, сокращения излишних судебных процедур и издержек» ст. 253 ГПК была дополнена пунктом 5-1 следующего содержания: «Суд возвращает взыскателю заявление о выдаче исполнительного листа, если срок для его обжалования, установленный частью первой статьи 464 настоящего Кодекса, не истек».

В соответствии с п. 1 ст. 464 ГПК ходатайство об отмене арбитражного решения может быть подано сторонами арбитражного разбирательства, третьими лицами, не привлеченными к участию в деле, но в отношении прав и обязанностей которых арбитраж принял решение по основаниям, предусмотренным законом, в течение одного месяца со дня получения арбитражного решения.

Однако в п. 1 ст. 464 ГПК речь идет о сроке, в течение которого может быть подано ходатайство об отмене арбитражного решения, а не о сроке для обжалования «заявления о выдаче исполнительного листа». Налицо явный ляп разработчиков Закона РК от 10 июня 2020 г. № 342-VI, причем не только с редакционной точки зрения. Дело в том, что арбитражное решение, в отличие от решения суда, согласно п. 3 ст. 45 Закона об арбитраже вступает в силу в день, когда оно подписано арбитром (арбитрами). Пункт 5-1 ст. 253 ГПК фактически сделал невозможным принудительное исполнение арбитражного решения в течение одного месяца со дня получения.

FROM ARBITRATION CLAUSE TO ENFORCEMENT: A PRACTICAL GUIDE TO RESOLVING DISPUTES IN SOUTHERN AFRICA FOR CIS PARTIES

Svetlana Vasileva,

Secretary-General Arbitration Foundation of Southern Africa (AFSA) Johannesburg, South Africa

Khanyi Ndaba,

Legal Counsel Arbitration Foundation of Southern Africa (AFSA) Johannesburg, South Africa

Abstract. This article offers a practical guide for CIS parties negotiating contracts, commencing arbitrations or enforcing awards in disputes connected with Southern Africa. Using South Africa and the Arbitration Foundation of Southern Africa (AFSA) as principal points of reference, it follows the dispute lifecycle from the drafting of the arbitration agreement and selection of the seat and institutional framework through tribunal constitution, interim relief, court support, recognition and enforcement. It examines recurring risks in cross-border disputes, including defective arbitration clauses, ineffective service, delays in paying arbitration costs, inadequate asset planning and missed procedural deadlines. Particular attention is given to disputes involving states and state-owned entities, including contractual authority and the distinction between immunity from jurisdiction and immunity from execution. The article also addresses currency controls, sanctions screening and international payment difficulties relevant to CIS parties. Within the seven-institution benchmark examined in this article, AFSA's published administration and registration fees are comparatively low. A concluding checklist identifies practical steps that parties can take from the contracting stage to improve the prospects of effective enforcement.

Keywords: international arbitration, Southern Africa, AFSA, arbitration agreements, interim relief, enforcement of arbitral awards, sovereign immunity, CIS.

1. Introduction

For CIS businesses considering commercial engagement in or with Southern Africa, dispute-resolution planning should not be treated as a purely legal exercise. It is an important component of commercial risk management. The prospects of enforcing an arbitral award—and of converting it into a commercially useful recovery—may be affected by decisions made long before a dispute arises. These include the choice of arbitral seat, the drafting of the arbitration agreement, the selection of an appropriate institutional or ad hoc framework, the availability of interim relief and the location of assets against which an award may ultimately be enforced.

Southern African trade is governed by a developing network of regional and continental arrangements, including the SADC Free Trade Area, the SADC Protocol on Trade in Services and the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area. Cross-border commercial activity creates the potential for disputes involving parties, contracts and assets located in different jurisdictions. At the same time, national arbitration legislation, institutional capacity and judicial experience remain uneven across the region.

Against this background, the signing of the AFSA-SADC Alliance Charter in 2024 represents an important regional institutional initiative. The Alliance seeks to develop and strengthen arbitration within SADC and to promote greater consistency and harmonisation in regional arbitration practice.

This article adopts a practical perspective rather than focusing exclusively on legal doctrine. It follows the dispute lifecycle from contract drafting through to enforcement, identifying recurring risks and practical measures relevant to CIS parties doing business in Southern Africa.

2. Selecting the Seat and Arbitral Framework

The choice of arbitral seat is strategic and risk-based. The seat determines the procedural law governing the arbitration and identifies the courts that will exercise supervisory jurisdiction over the proceedings and any application to set aside the award. Parties should therefore consider the quality of the jurisdiction's arbitration legislation, the courts' record of supporting arbitration, the availability of experienced practitioners and the perceived neutrality and political stability of the legal system.

Geopolitical developments and the increasing range of credible arbitral seats are affecting parties' choices. A 2025 Queen Mary University of London International Arbitration Survey found that 30 per cent of respondents had changed their choice of seat in new arbitration agreements because of geopolitical developments and economic sanctions. At the same time, neutrality, a reliable legal framework and effective judicial support remain fundamental considerations.

Within Africa, the question is increasingly not whether the continent offers viable arbitral seats, but which jurisdictions provide the legal framework, judicial support and institutional capacity required for a particular dispute. A review of the 2024 SOAS Arbitration in Africa Survey identified 16 preferred African seats: Mauritius, Seychelles, Morocco, Kenya, Nigeria, Malawi, Côte d'Ivoire, Sudan, Botswana, Zambia, Algeria,

Uganda, Tanzania, South Africa, Rwanda and Egypt. Seven of these—Mauritius, Seychelles, Malawi, Botswana, Zambia, Tanzania and South Africa—are SADC Member States. This demonstrates the representation of Southern African jurisdictions among preferred African seats, although it does not establish that SADC as a whole constitutes a single arbitral hub.

A jurisdiction may be particularly attractive as a seat where it is a party to the New York Convention, has enacted arbitration legislation based on the UNCITRAL Model Law, provides effective judicial support for arbitration and permits appropriate interim measures. Institutional rules providing emergency and expedited procedures may offer additional protection. Still, such procedures should not be confused with powers derived from the law of the seat or the courts' powers.

Legal and institutional conditions remain uneven across SADC, and parties should assess each proposed seat individually. Where a transaction has a Southern African nexus, AFSA provides an institutionally administered framework combining regional experience with internationally oriented procedures. The AFSA International Rules (2021) provide, among other mechanisms, for expedited proceedings, emergency arbitration, multiple-contract claims, joinder and consolidation.

Cost as a factor in selecting the institution

Cost should be assessed before a dispute arises, but institutional comparisons must be approached carefully. The total cost of arbitration may include filing and administration charges, tribunal fees and expenses, hearing and transcription costs, experts' fees and legal representation. A low institutional charge does not by itself establish that the arbitration as a whole will be inexpensive. Published fee schedules nevertheless provide a useful measure of the accessibility and predictability of institutional charges.

A 2026 Comparative Analysis of Arbitrator and Institutional Fees in the Asia-Pacific compared the fees of six institutions active in the Asia-Pacific: AIAC, ACICA, HKIAC, ICC, KCAB and SIAC. Applying the AFSA International Schedule of Costs (2021) to the same five amounts in dispute produces the following comparison of administration fees. Filing fees, VAT, tribunal fees and additional expenses are excluded. For the other six institutions, the figures use the currency conversions applied in the study as at 24 August 2026.

Amount in dispute	AFSA administration fee	AFSA position among seven institutions
US\$1 million	US\$8,860	Lowest
US\$10 million	US\$23,016	Lowest
US\$100 million	US\$55,368	Third-lowest
US\$1 billion	US\$54,950	Second-lowest
US\$10 billion	US\$54,950	Second-lowest

The trend is clear. Within this seven-institution benchmark, AFSA has the lowest administration fee at US\$1 million and US\$10 million. It ranks third-lowest at US\$100 million and second-lowest at US\$1 billion and US\$10 billion. Compared with the

unweighted arithmetic mean of the six comparator institutions, AFSA's administration fee is approximately 29 per cent lower at US\$1 million, 33 per cent lower at US\$10 million, 22 per cent lower at US\$100 million and 42 per cent lower at US\$1 billion and US\$10 billion.

AFSA's registration fee is also comparatively low. Its non-refundable filing fee is US\$345. The corresponding fees in the 2026 study are US\$900 at AIAC, approximately US\$1,300 at HKIAC, approximately US\$1,700 at ACICA, approximately US\$2,300 at SIAC and US\$5,000 at ICC. KCAB charges between approximately US\$143 and US\$1,431, depending on the amount in dispute. For claims of US\$1 million or more, the KCAB fee is approximately US\$1,431; AFSA therefore has the lowest commencement fee among the seven institutions at each benchmark claim value.

For an emergency arbitrator application, AFSA charges an administration fee of US\$3,000. For the application component used in the 2026 study, this is higher than the fees charged by AIAC and ACICA, but lower than those charged by KCAB, SIAC, ICC, and HKIAC. These figures do not represent the total cost of emergency arbitration. Article 11(4) of the AFSA International Rules also requires the applicant to pay a deposit towards the emergency arbitrator's fees and expenses.

The comparison supports a measured conclusion: on administration and commencement fees, AFSA falls at the cost-competitive end of this seven-institution benchmark. However, as AFSA does not publish an ad valorem scale prescribing the minimum or maximum remuneration for the tribunal, parties should request an early estimate covering both institutional charges and the anticipated deposit for the tribunal's fees and expenses.

3. Drafting an Effective Arbitration Clause

The drafting of the arbitration agreement can materially affect the efficiency of the proceedings, the tribunal's jurisdiction and the enforceability of the resulting award. Defective or ambiguous clauses can generate jurisdictional disputes, parallel proceedings, delay, additional expense and challenges at the recognition or enforcement stage.

An effective clause should state clearly whether the arbitration will be administered or ad hoc. It should identify the applicable arbitration rules, the seat of arbitration, the language of the proceedings, the number of arbitrators and the method by which they will be appointed. The contract should also identify the law governing the substantive contractual relationship. Where appropriate, particularly in cross-border transactions, the parties should expressly identify the law governing the arbitration agreement if it is intended to differ from, or might not be determined clearly by, the law governing the main contract or the law of the seat.

Multi-contract and multi-party arrangements require particular care. The arbitration agreements contained in related contracts should be compatible and, where appropriate, address joinder, consolidation, and the constitution of the tribunal. A multi-tiered clause should define each required pre-arbitration step, the time allowed to complete it, and the circumstances in which a party may proceed to arbitration.

The arbitration agreement should be tailored to the nature and complexity of the commercial relationship rather than treated as boilerplate. AFSA publishes an International Arbitration Model Clause that parties may use as a starting point. The model wording should, where appropriate, be supplemented by provisions on the seat, language, number of arbitrators, method of appointment, and other matters specific to the transaction.

From the arbitration clause to a constituted tribunal: the Secretariat's perspective

A well-drafted clause is only the beginning. From the Secretariat's perspective, avoidable delays frequently arise because the initiating party has not assembled the information or funding needed to commence the arbitration and constitute the tribunal. A CIS party preparing for an AFSA arbitration should therefore treat the commencement as a coordinated exercise involving legal, operational, and banking workstreams.

Under Article 3 of the AFSA International Rules (2021), a Request for Arbitration must identify the parties and their representatives; include the arbitration agreement and the contractual documents containing it and relevant to the claim; summarise the dispute, the transaction at issue and the relief sought; state the estimated monetary value; address any agreed or proposed procedural matters; and provide the details of any arbitrator nominated by the claimant. The Request must also confirm that the prescribed registration fee has been or is being paid.

The date on which the Secretariat receives the Request is treated as the Commencement Date, subject to AFSA's actual receipt of the registration fee. If AFSA has not received the fee, the Request is treated as not having been delivered, and the arbitration is treated as not having commenced. It is therefore insufficient merely to transmit the Request without resolving the payment.

At the same time as delivering the Request to the Secretariat, the claimant must deliver it, together with its accompanying documents, to the other parties. The claimant must notify the Secretariat of the means of delivery and provide satisfactory documentary proof of actual delivery. If actual delivery is demonstrated to be impossible, the claimant must provide sufficient information concerning another effective form of service.

For cross-border disputes, particularly those involving state entities or corporate groups, the service plan should be checked before filing. Parties should verify the counterparty's correct legal name, registration particulars, contractual notice address, current business address and email addresses used in the parties' previous dealings. Evidence of delivery should be preserved in a form that can be produced if service or procedural fairness is challenged later.

Appointment provisions should be operational, not merely formal. Where the dispute is to be determined by a sole arbitrator, the parties may jointly nominate a confirmation candidate. If they fail to do so within 30 days of the Commencement Date, or within another applicable time limit, the AFSA International Court will appoint the sole arbitrator. In a three-member tribunal, each party ordinarily nominates one arbitrator and the Court appoints the presiding arbitrator, unless the parties have agreed on another appointment

procedure. Where there are multiple claimants or respondents, the claimants and respondents respectively must make their nominations jointly. In the absence of a required joint nomination, the Court may appoint every member of the tribunal and designate the presiding arbitrator.

Before nominating an arbitrator, a party should undertake conflict checks by reference to the parties, their material affiliates, representatives, any disclosed third-party funder and other persons materially involved in the dispute. Before confirmation, each arbitrator must provide the Secretariat with a signed statement of acceptance, availability, impartiality and independence and must disclose any circumstances likely to give rise to justifiable doubts concerning impartiality or independence. The Secretariat shares any such disclosure with the parties and the other members of the tribunal.

Prominence alone does not necessarily make a candidate suitable for a particular dispute. Parties should also consider availability, case management ability, language skills, sector knowledge, familiarity with the applicable law, and the proportionality of the proposed remuneration.

Funding must be planned at the same time. The Secretariat may direct the parties, in the proportions and at the times it considers appropriate, to make one or more payments on account of the arbitration costs. Where a respondent brings a counterclaim, the Secretariat may fix separate advances for the claim and counterclaim. Unless the Secretariat decides otherwise, each party must pay the advance corresponding to the claim that it advances.

If a party fails or refuses to make a required payment, the Secretariat may direct another party to make a substitute payment to enable the arbitration to proceed. The party making the substitute payment may ask the tribunal for an order or award permitting immediate recovery of that amount from the defaulting party, together with interest. If a claiming or counterclaiming party fails to make prompt and full payment, the Secretariat may, after consulting the tribunal, direct the tribunal to suspend its work and set a time limit. If payment is not made within that period, the relevant claim or counterclaim will be treated as withdrawn, subject to any terms determined by the tribunal concerning its possible reinstatement following subsequent payment.

These provisions make planning for arbitration costs important, particularly where continued progress may depend on a substitute payment.

4. Interim Relief and Preservation of Assets

The principal purpose of interim relief is to protect the integrity of the arbitral proceedings and preserve the practical value of any eventual award. Depending on the applicable law and the circumstances of the dispute, interim measures may preserve the status quo, prevent current or imminent harm, protect evidence or preserve assets from which an award may later be satisfied.

The availability, legal test and form of interim relief depend on several factors, including the applicable arbitration rules, the law of the seat, the powers of the court approached and, where relevant, the jurisdiction in which the assets or evidence are situated.

Parties should not assume that a measure available at the seat will necessarily be available or enforceable in every other SADC jurisdiction.

The AFSA International Rules (2021) provide two principal mechanisms. Before the tribunal is constituted, a party requiring urgent interim or conservatory measures that cannot await its constitution may apply for the appointment of an emergency arbitrator under Article 11. The application may be submitted before, concurrently with or after the Request for Arbitration, but it must precede the constitution of the tribunal. If the Request has not already been filed, it must ordinarily be submitted within 7 days of the Secretariat's receipt of the emergency application.

If the application is accepted and the required administration fee and deposits have been paid, the AFSA International Court will seek to appoint an emergency arbitrator within 48 hours. The emergency arbitrator must establish a procedural timetable within 2 days of receiving the case file and decide the application as soon as possible, ordinarily no later than 14 days after appointment. Once constituted, the tribunal may confirm, vary, discharge or revoke the emergency decision.

After its constitution, the tribunal may order interim measures under Article 24. These may include measures to maintain or restore the status quo; prevent current or imminent harm or prejudice to the arbitral process; preserve assets from which a subsequent award may be satisfied; and preserve evidence relevant and material to the dispute. The tribunal may grant the measure in the form of an interim order or award and may require the applicant to provide appropriate security.

An application to a competent court for interim relief is not necessarily incompatible with the arbitration agreement. Article 24 expressly preserves a party's right to approach a competent judicial authority before the tribunal is constituted and, in appropriate circumstances, after its constitution. Court assistance may be particularly important where relief is required against a non-party, such as a bank or custodian, because an arbitral tribunal ordinarily derives its authority from the arbitration agreement and may not be able to issue an effective coercive order against a non-party.

Where a South African court is approached for interim relief, its powers are governed by section 9 of the International Arbitration Act 15 of 2017, read with Article 17J of Schedule 1 to the Act. The court may order the preservation, interim custody or sale of goods forming the subject matter of the dispute; secure the amount in dispute, but not security for costs; appoint a liquidator; make orders intended to prevent an award from being rendered ineffectual through the dissipation of assets; and grant an interim interdict or other interim order.

A South African court may exercise these powers only where the tribunal has not yet been appointed, and the matter is urgent; where the tribunal is not competent to grant the relief sought; or where the urgency makes it impracticable to seek relief from the tribunal. The court may not grant relief where a tribunal competent to do so has already determined the application. Satisfaction of these statutory conditions does not dispense with the jurisdictional, procedural and substantive requirements governing the particular relief sought.

The applicant must identify the particular form of relief available under the applicable law and satisfy the requirements governing that relief. In South Africa, Article 17J(1)(d) permits a court to make an order aimed at ensuring that any award is not rendered ineffectual by the dissipation of assets. The availability of such an order depends on the circumstances of the case, the court's jurisdiction and compliance with the conditions prescribed by Article 17J.

For CIS parties, an effective application may require close coordination among arbitration counsel, local counsel in the jurisdiction where relief is sought, asset-tracing specialists and enforcement practitioners. Before applying, the party should identify precisely the assets or evidence to be protected; establish their location, legal ownership and control; determine whether the court or tribunal has jurisdiction to grant the particular relief sought; and assess whether that relief can be implemented effectively in relation to the opposing party and any relevant third party.

Because delays may allow assets to be transferred or evidence to be lost, interim relief planning should begin as soon as a dispute becomes reasonably foreseeable.

5. Court Support and Parallel Proceedings

Where court proceedings are commenced despite an arbitration agreement, the party seeking to rely on that agreement should invoke it promptly and apply for the proceedings to be stayed or for the dispute to be referred to arbitration. The applicable procedure and legal test depend on the law of the court approached and on whether the arbitration is classified as domestic or international.

South Africa maintains dual statutory regimes. Domestic arbitrations are principally governed by the Arbitration Act 42 of 1965, while international commercial arbitrations are governed by the International Arbitration Act 15 of 2017, which gives the UNCITRAL Model Law the force of law in South Africa. The 1965 Act does not apply to an arbitration agreement, award or reference governed by the 2017 Act, subject to limited statutory exceptions.

Mauritius similarly distinguishes between domestic arbitration, governed principally by the relevant provisions of the Code of Civil Procedure, and international arbitration, governed by the International Arbitration Act 2008. By contrast, Kenya's Arbitration Act 4 of 1995 applies to both domestic and international arbitration. Zambia's Arbitration Act 19 of 2000 incorporates the UNCITRAL Model Law and governs domestic and international arbitration within its statutory scope.

These legislative arrangements share certain Model Law principles, but they should not be treated as creating a uniform regional regime. The time for seeking a stay, the matters that the court may examine and the consequences of taking steps in the litigation vary according to the applicable national law. Parties should therefore obtain advice in the jurisdiction where the court proceedings have been instituted and should raise the arbitration agreement at the earliest procedurally permissible stage.

Article 8(1) of the UNCITRAL Model Law provides that a court before which proceedings are brought in a matter covered by an arbitration agreement must, if a party

makes a timely request, refer the parties to arbitration unless the court finds that the agreement is null and void, inoperative or incapable of being performed. Article II(3) of the New York Convention contains a substantially corresponding obligation for courts of Contracting States.

In South African international arbitration, Article 8 of the Model Law applies through the International Arbitration Act. A party must request referral to arbitration no later than when submitting its first statement on the substance of the dispute. While the issue is pending before the court, the arbitration may nevertheless be commenced or continued and an award may be made.

An allegation of fraud should not be presented as a general exception to referral. Depending on the applicable law and the formulation of the allegation, it may raise questions about the validity or scope of the arbitration agreement, the arbitrability of the dispute, or public policy. Those questions must be analysed under the law applicable in the particular jurisdiction. The arbitration agreement's separability from the underlying contract may also mean that an allegation affecting the main contract does not, by itself, invalidate the agreement to arbitrate.

Court intervention in arbitration may be supportive or supervisory. Supportive intervention may include referring parties to arbitration, appointing an arbitrator where the agreed mechanism fails, assisting with evidence, granting appropriate interim relief, or recognising and enforcing an award. Supervisory intervention includes determining whether a permitted jurisdictional challenge or an application to set aside an award is appropriate. In either case, the extent of the court's authority is determined by the applicable legislation; the court should not reconsider the merits merely because one party is dissatisfied with the tribunal's decision.

The South African Supreme Court of Appeal's decision in *Telcordia Technologies Inc v Telkom SA Ltd* remains an important authority on the limited scope of judicial intervention in private arbitration. The Court held that, by agreeing to arbitration, the parties limited judicial intervention to the statutory grounds for reviewing an arbitral award and did not retain a general right to have the merits reconsidered, unless they had agreed to an arbitral appeal mechanism. An error of law or contractual interpretation committed within the arbitrator's mandate does not, without more, justify setting aside the award.

Telcordia was decided under section 33 of the Arbitration Act 42 of 1965 before the International Arbitration Act entered into force. Its reasoning remains influential in debates over judicial restraint and party autonomy. Still, an application concerning a current international commercial arbitration must be determined under the International Arbitration Act and the grounds prescribed by the incorporated Model Law.

6. Recognition and Enforcement of Awards

Ultimately, the commercial value of arbitration depends on whether the relief granted by the tribunal can be recognised and enforced and, in the case of a monetary award, converted into an effective recovery.

The New York Convention provides the principal international framework for the recognition and enforcement of foreign arbitral awards. It requires each Contracting State to recognise qualifying awards as binding and to enforce them in accordance with its domestic procedural rules, subject to the limited grounds for refusing recognition or enforcement set out in Article V.

Fourteen of the sixteen SADC Member States are currently Contracting States to the Convention. Namibia and Eswatini are the two exceptions. This provides substantial Convention coverage across Southern Africa, but it does not create a completely uniform regional enforcement regime. Domestic implementing legislation, court procedures, evidentiary requirements and judicial practice must still be considered separately in each jurisdiction. Where enforcement is expected in Namibia or Eswatini, parties should not assume that the Convention procedure is available and should obtain local advice on the applicable statutory or common-law enforcement mechanism.

In South Africa, the recognition and enforcement of foreign arbitral awards are governed principally by the International Arbitration Act 15 of 2017. A foreign arbitral award is binding between the parties and, upon application, may be made an order of court and enforced in the same manner as a judgment or court order, subject to the grounds for refusal prescribed by the Act.

An enforcement application ordinarily requires the award creditor to produce the arbitral award and the arbitration agreement, or properly authenticated or certified copies of those documents. If a document is not in an official language of the court, an appropriate certified translation may also be required. Parties should confirm the precise filing, authentication, translation, service and court-form requirements in the jurisdiction where enforcement will be sought.

The available grounds for resisting enforcement include the invalidity of the arbitration agreement, inadequate notice or an inability to present one's case, an award exceeding the scope of the submission to arbitration, irregularities in the composition of the tribunal or arbitral procedure, and the award not yet being binding or having been set aside or suspended by a competent authority. A court may also consider whether the subject matter is capable of settlement by arbitration and whether enforcement would be contrary to the public policy of the enforcing state.

Public policy is therefore an available ground for resisting enforcement, but it is not an opportunity to reopen the merits of the dispute. Under the Convention's generally accepted pro-enforcement approach, the grounds for refusal are interpreted narrowly, and enforcement is refused only in exceptional cases. Nevertheless, the precise content and application of public policy remain dependent on the law and jurisprudence of the jurisdiction in which enforcement is sought.

Parties should also distinguish between an application to set aside an award and an application opposing its enforcement. Setting-aside proceedings are ordinarily brought before the competent court at the seat of arbitration. In contrast, resistance to enforcement takes place before the court in the jurisdiction where recognition or enforcement is sought. If a setting-aside or suspension application is pending before the competent authority, the

enforcement court may adjourn its decision and may, at the Request of the award creditor, require the opposing party to provide appropriate security.

Parties can reduce the risk of an enforcement challenge by preserving evidence of proper notice, complying with the agreed appointment and procedural arrangements, ensuring that each party has a reasonable opportunity to present its case and framing the relief within the tribunal's jurisdiction. Potential enforcement jurisdictions and material changes in the counterparty's asset position should remain under review throughout the proceedings.

7. State Parties and Sovereign Immunity

Transactions in Southern Africa often involve national governments, ministries, municipalities, utilities, development authorities and state-owned companies. These entities should not be treated as a single legal category. The first practical questions are whether the counterparty is part of the state or has a separate legal personality, whether it can sue and be sued in its own name, who is authorised to bind it, and which governmental, procurement, treasury, or corporate approvals are required. These matters should be investigated before signature. An agreement to arbitrate does not remedy an underlying absence of authority, although the validity of the principal contract and that of the arbitration agreement may require separate consideration.

South African law adopts a restrictive approach to foreign-state immunity under the Foreign States Immunities Act 87 of 1981. A foreign state is generally immune from the jurisdiction of South African courts unless an exception under the Act applies. Relevant exceptions include an express waiver, certain commercial transactions and a written agreement to submit a dispute to arbitration.

Under section 10, a foreign state that has agreed in writing to submit an existing or future dispute to arbitration is not immune from the jurisdiction of South African courts in proceedings relating to that arbitration. This exception does not apply where the arbitration agreement provides that the proceedings are to be brought in the courts of a foreign state or where the parties to the arbitration agreement are themselves foreign states. Section 10 concerns immunity from adjudicative jurisdiction. However, it does not, by itself, make the foreign state's property available for execution.

Immunity from execution is a separate enquiry. Section 14 generally protects foreign-state property from process for the enforcement of a judgment or arbitral award. That protection does not apply where the foreign state has given written consent to execution or where the property concerned is, at the relevant time, in use or intended for use for commercial purposes. Importantly, a waiver of immunity from the jurisdiction of South African courts does not, without more, constitute consent to execution.

The creditor must therefore establish who owns the proposed asset, where it is situated and how it is being used at the relevant time. Property used for governmental or other non-commercial purposes will not fall within the commercial-use exception merely because the underlying dispute arose from a commercial transaction. Foreign central-bank or monetary-authority property receives specific protection: section 15(3) provides that it is

not to be regarded as being used or intended for use for commercial purposes for section 14(3).

The position of a state-owned company or other separate entity must also be considered independently. Under the Act, an entity distinct from the executive organs of a foreign government and capable of suing or being sued is not automatically treated as the foreign state. Section 15 provides that such an entity is immune only where the proceedings concern conduct undertaken in the exercise of sovereign authority and the circumstances are such that the foreign state itself would have been immune. Accordingly, an asset belonging to a legally separate state-owned company is not automatically an asset of the state, and state ownership alone does not determine the immunity analysis.

The Supreme Court of Appeal's decision in *Kingdom of Lesotho v Frazer Solar GmbH and Others* provides an important practical warning. The dispute arose from a high-value supply agreement purportedly concluded on behalf of Lesotho and was followed by a Johannesburg-seated arbitration in which Lesotho did not participate. An award was issued against Lesotho and was subsequently made an order of the South African High Court in Lesotho's absence.

By a majority, the Supreme Court of Appeal rescinded the enforcement order. It did not finally determine whether the Minister concerned lacked authority to conclude the supply agreement or the arbitration agreement. Rather, it found that Lesotho had provided a satisfactory explanation for its default and had established a bona fide defence with prima facie prospects of success, including questions concerning the Minister's authority and compliance with Lesotho's procurement and public-finance framework.

The court nevertheless dismissed Lesotho's attempt to set aside the award. It held that the three-month period prescribed by Article 34(3) of the UNCITRAL Model Law is peremptory and that a court has no general power to condone non-compliance with that period. South Africa's modified Article 34(5)(b) provides a limited extension where an applicant proves that it did not know, and could not reasonably have known, that the award was induced or affected by fraud or corruption, but Lesotho did not establish that the exception applied.

The award was therefore not set aside, although the order recognising and enforcing it was rescinded. The court did not finally determine Lesotho's objections to recognition and enforcement under Article 36. The case consequently illustrates why the existence of an award, its recognition or enforcement and execution against identified assets must be treated as distinct legal stages.

A contract with a state-related counterparty should expressly address both authority and immunity. Before signature, the private party should identify the precise contracting entity and any guarantee provider, obtain evidence of the signatory's authority and confirm that all necessary procurement, treasury, ministerial, cabinet or corporate approvals have been secured. The contract should contain a clear written arbitration agreement, an appropriately drafted waiver of immunity from jurisdiction, and, where permitted by applicable law, a separate and express consent to execution. The private party should also

investigate the ownership, location and use of potentially recoverable commercial assets in jurisdictions where recognition and execution may realistically be sought.

A contractual waiver or consent to execution is valuable, but it is not a substitute for asset due diligence. Its effectiveness, scope and interpretation will depend on the law of the jurisdiction in which recognition or execution is sought.

8. Currency, Payment and Sanctions

For CIS parties, the practical ability to pay registration fees, deposits and professional costs may be as important as the merits of the claim. Payment difficulties should therefore be treated as a commencement and case-management risk.

Under the AFSA International Rules, an arbitration is not commenced until AFSA has received the registration fee. Also, the prescribed administration fee and deposit must accompany an application for the appointment of an Emergency Arbitrator. During the arbitration, if a party fails to pay its share of the arbitration costs, the Secretariat may request another party to make a substitute payment. Continued non-payment by a party advancing a claim or counterclaim may result in the suspension of the tribunal's work and, ultimately, the relevant claim or counterclaim being treated as withdrawn.

Cross-border transactions processed through the South African banking system are subject to the exchange-control framework administered by the Financial Surveillance Department of the South African Reserve Bank. Foreign-exchange transactions are ordinarily processed through Authorised Dealers acting within the permissions, conditions and reporting requirements contained in the applicable Currency and Exchanges Manual and the Exchange Control Regulations.

Exchange-control compliance is only one part of the payment process. The remitting and receiving banks, any correspondent bank, and other financial intermediaries may also undertake customer due diligence, anti-money laundering checks, and sanctions screening. South African accountable institutions must comply with applicable customer due diligence requirements and screen relevant persons and entities against South Africa's targeted financial sanctions list, which principally implements United Nations Security Council designations.

A payment may nevertheless be delayed or rejected even where the law of the arbitral seat does not prohibit it. A foreign sanctions regime may apply to a bank or intermediary involved in the payment chain, while individual institutions may apply enhanced due diligence or internal risk controls. Incomplete payer information, an unclear payment reference or insufficient evidence of the source and purpose of the funds may also affect the transfer.

Parties should address these matters before commencing arbitration. In practice, this means obtaining the institution's invoice and verified banking instructions, confirming the accepted payment currency and method, identifying the proposed remitting bank and, where possible, the correspondent-banking route, and establishing the supporting documentation required. Such documentation may include the underlying contract, the arbitration agreement, the institution's invoice, information identifying the payer and beneficial

owners, and evidence explaining the source and purpose of the funds. The Secretariat should be informed promptly if a payment is delayed, held for investigation or rejected.

Payment by an affiliate, shareholder, funder or legal representative should be considered in advance rather than arranged only after the original transfer has failed. The payer's identity, its relationship to the party and the source and purpose of the funds should be disclosed where required, and the arrangement should be confirmed with the institution and the banks involved. Depending on its terms, an arrangement under which a non-party provides material or financial support for the arbitration may constitute third-party funding under Article 27 of the AFSA International Rules, triggering disclosure of the funding arrangement and the identity of the funder.

The underlying contract can reduce uncertainty by specifying the payment currency and allocating responsibility for transfer charges, taxes and any agreed gross-up obligations. It may also regulate responsibility between the contracting parties for advancing or reimbursing arbitration costs. These provisions, however, cannot bind an arbitral institution or financial intermediary to accept a particular currency or payment route, nor can they override applicable exchange-control, sanctions, or anti-money-laundering requirements.

South Africa as a forum for CIS-connected disputes

Subject to those qualifications, South Africa may offer practical advantages as a forum for disputes involving CIS parties. South Africa's targeted financial sanctions framework principally implements United Nations Security Council designations and does not replicate the autonomous country-based sanctions regimes maintained by the European Union, the United Kingdom or the United States. The Russian Government has also identified South Africa as a "friendly" jurisdiction. That designation, however, reflects Russia's own regulatory classification and should not be understood as determining the independence or approach of the South African courts.

For CIS-connected disputes, the absence of a comparable autonomous country-based sanctions regime may reduce some of the obstacles encountered in other jurisdictions. It does not remove the need to assess the sanctions and banking requirements applicable to the particular parties, transaction and payment route.

Recent litigation provides a useful, although limited, illustration of access to South African judicial remedies. The practical relevance of this distinction is not limited to the processing of arbitration payments; it may also affect whether a CIS-connected party can obtain access to judicial remedies in South Africa. In June 2024, the Gauteng Division of the High Court reportedly authorised the Foundation for Orthodox Television, a Russian entity, to attach certain assets associated with Google LLC in South Africa in support of proceedings concerning a judgment obtained from the Moscow Arbitrazh Court. The assets were reported to include Google LLC's shares and trademarks in its South African subsidiary.

The significance of that matter should not be overstated. The attachment was granted to found or confirm jurisdiction for proceedings seeking recognition and enforcement of the Russian judgment. It was not a final order recognising or enforcing the judgment, did not

authorise the sale of the attached assets and did not determine that the substantial penalties imposed by the Russian Court were enforceable in South Africa. Its narrower significance is that the applicant's Russian nationality did not, by itself, prevent it from approaching a South African court and obtaining attachment relief on the facts presented.

That proceeding did not concern arbitration and does not constitute direct authority for interim measures in support of arbitral proceedings. In international arbitration, the relevant statutory basis is section 9 of the International Arbitration Act 15 of 2017, read with Article 17J of Schedule 1. These provisions empower a South African court to grant interim measures in arbitration proceedings, regardless of whether the arbitration is held within South Africa. An applicant must identify relief available under South African law and satisfy the jurisdictional and substantive requirements applicable to that relief.

South Africa may therefore provide a practical forum for CIS-connected disputes, particularly where the transaction has a Southern African connection. The relevant advantages arise from its distinct sanctions framework and the availability of ordinary judicial and arbitral procedures, not from preferential treatment of CIS parties.

9. Final Recommendations and AFSA Lifecycle Checklist

Enforcement planning begins at the contracting stage and should continue throughout the arbitration. The following checklist consolidates the principal legal and operational considerations for CIS parties using AFSA or resolving disputes connected with Southern Africa.

At the contracting stage

- Verify the counterparty's correct legal name, legal personality, ownership structure and authority to contract.
- Where the counterparty is a state or state-related entity, identify the necessary governmental, procurement, treasury and corporate approvals and seek appropriately drafted waivers of immunity from jurisdiction and, separately, consent to execution, subject to the applicable law.
- Select a particular juridical seat and specify the arbitral institution, applicable rules, governing law, language, number of arbitrators and method of appointment.
- Ensure that arbitration clauses across related contracts are compatible and address joinder and consolidation where appropriate.
- Identify potentially recoverable assets and the jurisdictions in which an award may ultimately need to be recognised and enforced.
- Establish whether registration fees, deposits, and professional costs can be paid via a lawful, operationally reliable banking route.

When a dispute becomes likely

- Preserve the contracts, amendments, notices, correspondence, payment records, technical material and relevant decision-making records.

- Verify the contractual notice requirements and the parties' current physical and electronic service addresses.
- Update the asset analysis and obtain advice on whether urgent interim or conservatory measures may be available and appropriate.
- Assemble sufficient information to conduct conflict checks covering the parties, relevant affiliates, funders, counsel and material witnesses.
- Prepare a realistic budget covering institutional charges, tribunal fees, legal and expert costs and the possibility that a substitute payment may be required if another party defaults.
- Consider whether sanctions, exchange-control requirements, or banking restrictions may affect the commencement or subsequent conduct of the arbitration.

Before filing the Request for Arbitration

- Prepare the information and documents required by Article 3 of the AFSA International Rules and quantify the claim, so far as reasonably possible.
- Arrange payment of the registration fee sufficiently early to ensure that AFSA receives it by the intended commencement date.
- Deliver the Request to the other parties at the same time as it is delivered to the Secretariat and retain reliable proof of delivery.
- Confirm the applicable nomination timetable and consider the proposed arbitrator's availability, independence, experience, language ability and potential conflicts.
- Verify the payment route for the administration fee and anticipated deposits, allowing sufficient time for banking and compliance checks.
- If urgent relief may be required, determine whether to approach an Emergency Arbitrator, a competent court or both, having regard to the applicable rules and law.

During the arbitration

- Raise jurisdictional and procedural objections promptly and comply with all applicable contractual, institutional and statutory time limits.
- Maintain a complete record of communications, service, procedural directions and the opportunities afforded to each party to present its case.
- Keep the asset analysis, sanctions assessment and enforcement strategy under review as circumstances change.
- Preserve relevant evidence and comply carefully with document-production and procedural directions.
- Formulate the relief sought precisely and ensure that it falls within the scope of the arbitration agreement and the tribunal's jurisdiction.

- Monitor deposits and other costs, and notify the Secretariat of any payment difficulties before they disrupt the proceedings.

Before recognition or enforcement

- Check that the award satisfies the applicable formal requirements and seek timely correction of any clerical, computational or similar errors.
- Obtain the award and arbitration agreement, or properly authenticated or certified copies, together with any translations and supporting documents required in the intended enforcement jurisdiction.
- Confirm the ownership, location and current use of the assets against which execution may be pursued.
- Consider likely jurisdictional, procedural, public policy, and sovereign immunity objections.
- Obtain advice in each relevant jurisdiction and prepare a separate recognition and execution strategy for each.
- Treat setting-aside proceedings, recognition or enforcement of the award, and execution against particular assets as legally distinct processes governed by different requirements, remedies and time limits.

10. Conclusion

For CIS businesses entering transactions connected with Southern Africa, effective dispute-resolution planning requires more than choosing arbitration in general terms. The parties must select a legally suitable seat and institutional framework, draft an operable arbitration agreement, anticipate payment- and sanctions-related constraints, and consider where, and against which assets, an award may ultimately be enforced.

South Africa offers a developed statutory framework for international arbitration based on the UNCITRAL Model Law, is a Contracting State to the New York Convention and has courts empowered to support arbitral proceedings. It is also home to AFSA, an established regional arbitral institution with rules for the administration of international disputes. AFSA's published administration and commencement fees compare favourably within the seven-institution benchmark examined in this article, although institutional charges are only one component of the total cost of arbitration.

These features make a South African seat, coupled with AFSA administration, worthy of serious consideration where the transaction or dispute has a Southern African connection. Their effectiveness in any particular case will depend on the arbitration agreement, the applicable law, procedural discipline, the location and ownership of assets, and the enforcement strategy adopted from the outset.

THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN UZBEKISTAN: LEGISLATIVE REFORMS, THE RISE OF TIAC, AND FUTURE CHALLENGES IN THE DIGITAL ECONOMY

Anna Ubaydullaeva

PhD in Law, Acting Associate Professor, international arbitrator, mediator, and legal researcher based in Uzbekistan

Abstract

Over the past decade, Uzbekistan has undergone a profound legal and economic transformation aimed at improving the investment climate, strengthening the rule of law, and integrating the country into the global economic system. One of the most significant aspects of this transformation has been the modernization of the legal framework governing international commercial dispute resolution. The adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On International Commercial Arbitration” in 2021 marked a turning point in the development of arbitration in the country and reflected Uzbekistan’s commitment to internationally recognized standards embodied in the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. Simultaneously, the establishment and rapid development of the Tashkent International Arbitration Centre (TIAC) has significantly enhanced Uzbekistan’s position as an emerging arbitration hub in Central Asia.

This article examines the evolution of international commercial arbitration in Uzbekistan, analyzes the key innovations introduced by the 2021 arbitration legislation, evaluates the institutional role of TIAC in regional and international dispute resolution, and assesses current challenges and future opportunities associated with digitalization and technological transformation of arbitration proceedings. The paper argues that although substantial progress has been achieved in creating a modern arbitration ecosystem, further institutional development, judicial capacity-building, and technological adaptation remain necessary to strengthen Uzbekistan’s competitiveness as a preferred seat of arbitration in Eurasia.

Keywords: International Commercial Arbitration; Uzbekistan; TIAC; UNCITRAL Model Law; New York Convention; Arbitration Reform; Digital Arbitration; Central Asia; Dispute Resolution; Investment Climate.

1. Introduction

The increasing globalization of trade, investment, and cross-border commercial activity has fundamentally transformed approaches to dispute resolution. Traditional court litigation is often perceived by international businesses as time-consuming, procedurally rigid, and insufficiently adapted to the complexities of transnational commerce. Consequently, international commercial arbitration has emerged as the preferred mechanism for resolving cross-border disputes due to its flexibility, neutrality, confidentiality, and enforceability. The growing significance of arbitration has become particularly visible in emerging economies seeking to attract foreign direct investment and strengthen their participation in international trade. Investors increasingly assess not only economic indicators but also the quality of legal institutions and the availability of reliable dispute resolution mechanisms. As a result, modern arbitration legislation and effective arbitral institutions have become important components of national competitiveness.

In recent years, Uzbekistan has embarked upon an ambitious program of legal and economic reforms designed to modernize public administration, improve governance, liberalize the economy, and create a more predictable legal environment for domestic and foreign investors. Since 2017, numerous legislative initiatives have been implemented to improve the business climate, strengthen judicial independence, and align national legislation with international standards. Within this broader reform agenda, international commercial arbitration has received particular attention.

A landmark development occurred with the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On International Commercial Arbitration” in February 2021. Prior to its enactment, Uzbekistan lacked a comprehensive legislative framework governing international commercial arbitration. Although arbitration was not entirely absent from the legal system, the available legal instruments were fragmented and insufficiently adapted to the requirements of contemporary international commerce. The new law sought to address these shortcomings by incorporating internationally accepted principles of arbitration and drawing extensively upon the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration.

At the institutional level, the establishment of the Tashkent International Arbitration Centre (TIAC) under the Chamber of Commerce and Industry of Uzbekistan represented another major milestone. TIAC was created with the objective of providing businesses with a modern, efficient, and internationally credible forum for dispute resolution. Within a relatively short period, the Centre has attracted significant international attention, established partnerships with leading arbitration institutions, and developed innovative procedural rules designed to accommodate the needs of modern commercial practice. The significance of these developments extends beyond Uzbekistan itself. Central Asia has traditionally lacked internationally recognized arbitration centers capable of competing with established institutions in Europe, Asia, and the Middle East. The emergence of TIAC therefore reflects broader regional aspirations to create accessible and reliable dispute resolution mechanisms capable of supporting increasing levels of cross-border trade, investment, infrastructure development, and public-private partnerships.

At the same time, the international arbitration landscape is undergoing profound transformation due to technological innovation and digitalization. The widespread adoption of remote hearings, electronic submissions, digital evidence management systems, artificial intelligence tools, and online case administration platforms is reshaping the way arbitration proceedings are conducted. These developments create both opportunities and challenges for emerging arbitration jurisdictions, including Uzbekistan. Against this background, this article seeks to examine the evolution of international commercial arbitration in Uzbekistan through a comprehensive analysis of legislative reforms, institutional developments, and technological trends. Particular attention is devoted to the role of TIAC as a regional arbitration institution and to the prospects for further development of arbitration in the context of the digital economy.

The article proceeds in five parts. First, it analyzes the historical development of arbitration in Uzbekistan and the circumstances leading to the adoption of the 2021 arbitration legislation. Second, it examines the principal innovations introduced by the Law on International Commercial Arbitration and evaluates its consistency with international standards. Third, it explores the institutional role of TIAC and its contribution to regional dispute resolution. Fourth, it considers issues relating to recognition and enforcement of arbitral awards. Finally, it assesses emerging challenges associated with digitalization and outlines future directions for the development of arbitration in Uzbekistan.

2. The Development of International Commercial Arbitration in Uzbekistan

2.1. Historical Background and Early Stages of Arbitration Development

The development of international commercial arbitration in Uzbekistan should be viewed within the broader context of the country's transition from a centrally planned economy to a market-oriented economic system. Following independence in 1991, Uzbekistan faced the complex task of creating modern legal institutions capable of supporting private enterprise, foreign investment, and international trade. During the early years of independence, commercial dispute resolution remained largely concentrated within state courts, while arbitration occupied only a limited role within the legal framework. The legal culture inherited from the Soviet period was traditionally court-centered. Although arbitral mechanisms existed in certain forms, they were neither sufficiently developed nor widely utilized in international commercial relations. Foreign investors often preferred resolving disputes outside Uzbekistan through arbitration institutions located in Europe, Asia, or the Middle East, reflecting concerns regarding predictability, neutrality, and international enforceability.

The gradual liberalization of the Uzbek economy during the 2000s increased the need for more sophisticated dispute resolution mechanisms. The expansion of foreign trade, growing participation in international investment projects, and increased involvement of foreign contractors in infrastructure development highlighted the limitations of relying exclusively on domestic judicial institutions for resolving complex cross-border disputes. These developments coincided with broader global trends demonstrating the growing preference of businesses for arbitration over litigation. Arbitration offered several

advantages particularly relevant to international commerce, including procedural flexibility, neutrality of forum, confidentiality, party autonomy, and the ability to enforce awards internationally through the framework established by the 1958 New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards.

Recognizing these realities, Uzbekistan gradually began to strengthen its arbitration infrastructure and modernize legislation affecting commercial dispute resolution. However, despite these efforts, the country lacked a comprehensive legal framework specifically governing international commercial arbitration. Existing provisions were fragmented across various legislative acts and did not fully reflect internationally accepted standards.

2.2. Economic Reforms and the Need for Modern Arbitration Legislation

A significant shift occurred after 2017, when Uzbekistan initiated an ambitious program of economic and legal reforms aimed at improving the investment climate and enhancing integration into the global economy. The Government identified legal certainty and effective dispute resolution as critical factors influencing investor confidence and economic development. The modernization agenda was driven by several interconnected objectives. First, Uzbekistan sought to increase foreign direct investment and attract international businesses to strategic sectors of the economy, including energy, infrastructure, telecommunications, transportation, and manufacturing. Second, the Government aimed to strengthen the rule of law and improve the effectiveness of legal institutions. Third, policymakers recognized the necessity of aligning domestic legislation with international standards and best practices.

International arbitration emerged as a natural component of this reform process. Foreign investors increasingly expect access to reliable arbitration mechanisms when entering new markets. The existence of modern arbitration legislation serves not only as a dispute resolution tool but also as an indicator of a country's commitment to protecting commercial rights and honoring contractual obligations. At the same time, Uzbekistan's geographical position created unique opportunities. Located at the crossroads of Europe and Asia, the country occupies a strategically important position within Central Asia. Growing regional connectivity initiatives, infrastructure projects, and cross-border trade relationships generated increasing demand for efficient mechanisms capable of resolving disputes involving parties from different jurisdictions.

Against this background, policymakers concluded that a dedicated legal framework for international commercial arbitration was necessary to support the country's broader economic transformation.

2.3. Adoption of the Law on International Commercial Arbitration

The adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On International Commercial Arbitration” on 16 February 2021 represented a landmark achievement in the modernization of Uzbekistan's legal system. For the first time, the country established a comprehensive legislative framework specifically regulating international commercial arbitration. The Law was heavily influenced by the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, which has become the most widely recognized legislative model for arbitration worldwide. By relying upon the UNCITRAL framework,

Uzbekistan sought to ensure consistency with internationally accepted principles while creating a predictable legal environment for domestic and foreign parties.

Several key principles underpin the new legislation.

1. First, the Law recognizes the principle of party autonomy, allowing parties substantial freedom to determine procedural rules, select arbitrators, choose the seat of arbitration, and define other aspects of the arbitral process. Party autonomy remains one of the foundational characteristics of modern arbitration and contributes significantly to its attractiveness as a dispute resolution mechanism.

2. Second, the legislation limits unnecessary judicial interference in arbitration proceedings. Courts retain important supportive and supervisory functions; however, arbitral tribunals are granted substantial procedural independence. This approach reflects international best practice and reinforces confidence in the integrity of the arbitral process.

3. Third, the Law incorporates the principle of competence-competence, enabling arbitral tribunals to determine their own jurisdiction. This principle prevents parties from undermining arbitration agreements through premature judicial challenges and contributes to procedural efficiency.

4. Fourth, the legislation recognizes the separability of arbitration agreements from the main contract. Consequently, even where the validity of the principal contract is disputed, the arbitration agreement may remain enforceable and allow disputes to proceed before an arbitral tribunal.

The adoption of these principles significantly enhanced the attractiveness of Uzbekistan as a potential arbitration-friendly jurisdiction.

2.4. Uzbekistan's Emergence as an Arbitration-Friendly Jurisdiction

The introduction of modern arbitration legislation should not be viewed merely as a technical legal reform. Rather, it reflects a broader strategic effort to position Uzbekistan as a reliable destination for international business and investment. Contemporary investors increasingly evaluate the quality of dispute resolution mechanisms when making investment decisions. The availability of modern arbitration legislation reduces legal uncertainty, strengthens contractual enforcement, and contributes to a more predictable business environment. Moreover, the enactment of the Law on International Commercial Arbitration complemented other reforms aimed at improving corporate governance, strengthening judicial institutions, liberalizing foreign exchange regulation, modernizing investment legislation, and enhancing protection of private property rights.

These reforms collectively contribute to the creation of an ecosystem in which arbitration functions as an integral element of economic governance rather than an isolated legal mechanism. Although Uzbekistan's arbitration framework remains relatively young compared with established arbitration jurisdictions such as England, France, Singapore, Switzerland, or Hong Kong, its rapid development demonstrates a clear commitment to international standards and continuous institutional improvement. The next stage of this evolution is closely connected with the emergence of the Tashkent International Arbitration Centre (TIAC), which has become the country's principal institution for administering international commercial disputes and promoting arbitration throughout the region.

3. The Role of the Tashkent International Arbitration Centre (TIAC) in Regional and International Dispute Resolution

3.1. Establishment of TIAC and Its Institutional Significance

The adoption of modern arbitration legislation alone would not have been sufficient to transform Uzbekistan into an arbitration-friendly jurisdiction. Effective arbitration requires not only a sound legal framework but also credible institutions capable of administering disputes in accordance with internationally recognized standards. In this regard, the establishment of the Tashkent International Arbitration Centre (TIAC) under the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Uzbekistan represented a crucial milestone in the country's arbitration development. TIAC was established in 2018 with the objective of providing businesses, investors, and commercial actors with an independent, neutral, efficient, and internationally oriented forum for dispute resolution. Unlike traditional domestic arbitration institutions primarily focused on local disputes, TIAC was specifically designed to serve the needs of international commerce and cross-border investment.

The creation of TIAC reflected several strategic considerations. First, policymakers recognized the increasing demand for reliable dispute resolution mechanisms arising from Uzbekistan's economic liberalization and growing integration into global markets. Second, there was a clear need to reduce dependence on foreign arbitration centers and provide parties operating in Central Asia with a regional institution capable of administering disputes at an international standard. Third, the establishment of TIAC formed part of a broader effort to improve Uzbekistan's attractiveness as a destination for foreign investment. From its inception, TIAC sought to distinguish itself by adopting best practices from leading arbitral institutions such as the London Court of International Arbitration (LCIA), the Singapore International Arbitration Centre (SIAC), the Hong Kong International Arbitration Centre (HKIAC), the Stockholm Chamber of Commerce (SCC), and the International Chamber of Commerce (ICC).

Unlike many newly established arbitral institutions, TIAC immediately embraced an international orientation. Its governance structure, procedural rules, and operational philosophy were designed to appeal not only to domestic parties but also to multinational corporations, foreign investors, international contractors, financial institutions, and public-private partnership stakeholders.

3.2. TIAC Arbitration Rules and Procedural Innovation

One of TIAC's most significant achievements has been the development of a modern and flexible procedural framework. The TIAC Arbitration Rules were drafted with careful consideration of contemporary international arbitration practice and reflect many innovations that have become increasingly important in modern dispute resolution.

The Rules emphasize party autonomy, procedural flexibility, efficiency, and cost-effectiveness. Parties are granted broad discretion to determine the procedural framework applicable to their disputes, including the number of arbitrators, language of proceedings, governing law, and procedural timetable. Particular attention has been given to ensuring that arbitration proceedings remain accessible and efficient for users from different jurisdictions.

The Rules provide mechanisms aimed at reducing unnecessary procedural delays while preserving due process guarantees and ensuring equality of treatment among parties. A notable feature of TIAC's procedural framework is its strong emphasis on technology and digitalization. Even before the COVID-19 pandemic accelerated global adoption of remote dispute resolution mechanisms, TIAC demonstrated a willingness to embrace technological innovation. The institution recognized that the future competitiveness of arbitration centers would depend increasingly upon their ability to provide flexible digital solutions.

The Rules facilitate electronic communications, digital submissions, remote hearings, and technology-assisted case management. These innovations proved particularly valuable during the pandemic and have continued to play an important role in post-pandemic arbitration practice. The ability to conduct proceedings without requiring extensive travel has significantly reduced costs and improved accessibility for parties located across different regions of the world. This is especially important for Central Asia, where geographic distances and transportation costs can create barriers to participation in international dispute resolution.

3.3. TIAC as a Regional Arbitration Hub

The strategic significance of TIAC extends beyond Uzbekistan's national borders. Central Asia has historically lacked a major international arbitration center comparable to those operating in Europe, East Asia, or the Middle East. As regional economic integration intensifies, demand for sophisticated dispute resolution services continues to grow. Large-scale infrastructure projects, energy investments, transportation corridors, mining operations, telecommunications development, and public-private partnerships increasingly involve parties from multiple jurisdictions. Such projects generate complex legal relationships and inevitably create potential disputes requiring efficient and neutral resolution mechanisms.

TIAC is uniquely positioned to address these needs. Its geographical location places it at the center of a region characterized by expanding economic cooperation and growing foreign investment. Furthermore, Uzbekistan's policy of economic openness and regional engagement creates favorable conditions for the development of arbitration services. The institution has actively promoted itself as a neutral forum capable of administering disputes involving parties from different legal traditions and cultural backgrounds. This neutrality is particularly important in a region where disputes frequently involve participants from civil law, common law, and mixed legal systems. In addition to administering cases, TIAC plays an important educational and professional development role. Through conferences, training programs, publications, and cooperation initiatives, the Centre contributes to the growth of arbitration culture throughout Central Asia. Such activities help develop a community of arbitrators, practitioners, academics, and judges familiar with international arbitration standards. Over time, these efforts may contribute to the emergence of a more sophisticated regional arbitration ecosystem capable of supporting increasingly complex commercial transactions.

3.4. International Cooperation and Global Recognition

A key factor influencing the credibility of any arbitral institution is its ability to establish meaningful relationships with the broader international arbitration community. Since its establishment, TIAC has actively pursued cooperation with leading arbitral institutions, professional associations, and dispute resolution experts around the world.

Such cooperation serves multiple purposes. First, it facilitates the exchange of knowledge and best practices. Second, it enhances institutional credibility among potential users. Third, it promotes harmonization with evolving international standards. Finally, it increases awareness of Uzbekistan as an arbitration-friendly jurisdiction.

The participation of internationally recognized arbitrators, practitioners, academics, and former judges in TIAC-related activities has contributed significantly to the institution's reputation. International involvement provides users with confidence that disputes will be administered according to globally accepted principles rather than purely domestic considerations. This international orientation is particularly important given the competitive nature of the arbitration market. Businesses choosing an arbitral institution often compare multiple options located in different jurisdictions. Therefore, the ability to demonstrate adherence to international best practices is essential for attracting users.

3.5. TIAC and the Future of Arbitration in the Digital Economy

Perhaps the most distinctive aspect of TIAC's development is its willingness to embrace innovation and technological transformation. The future of international arbitration will be shaped increasingly by digital technologies, artificial intelligence, electronic evidence management systems, and online dispute resolution mechanisms.

The rapid growth of cross-border digital commerce, smart contracts, blockchain-based transactions, fintech services, and platform-based business models is generating new categories of disputes that often differ substantially from traditional commercial conflicts. Arbitration institutions must adapt to these developments if they wish to remain relevant and competitive. TIAC has demonstrated a forward-looking approach in this regard. Its procedural framework allows for substantial flexibility in the use of digital technologies and remote participation tools. This adaptability positions the institution favorably within an increasingly technology-driven dispute resolution landscape.

At the same time, technological innovation creates new legal and ethical challenges. Questions relating to cybersecurity, confidentiality, data protection, artificial intelligence-assisted decision-making, and the admissibility of digital evidence require careful consideration. Future reforms will need to balance efficiency gains with fundamental principles of procedural fairness and due process. For Uzbekistan, the ability of TIAC to respond effectively to these challenges may become a defining factor in determining whether the country can establish itself as a leading arbitration hub not only in Central Asia but also within the broader Eurasian region.

The continuing evolution of TIAC therefore represents not merely an institutional success story but an important component of Uzbekistan's broader strategy to strengthen the rule of law, attract investment, and integrate more deeply into the global economy.

4. Recognition and Enforcement of Arbitral Awards in Uzbekistan

4.1. The Importance of Recognition and Enforcement in International Arbitration

The effectiveness of international commercial arbitration depends not only on the ability of parties to obtain an arbitral award but also on the possibility of enforcing that award in practice. Indeed, one of the principal advantages of arbitration over traditional litigation lies in the existence of an internationally recognized enforcement framework that enables successful parties to seek recognition and enforcement of arbitral awards across national borders.

For investors and commercial actors, enforceability is often regarded as the most significant feature of arbitration. Even the most carefully reasoned arbitral award would have limited practical value if it could not be recognized and executed against the assets of the losing party. Consequently, the effectiveness of a national legal system in recognizing and enforcing arbitral awards is frequently viewed as an indicator of its commitment to international commerce and investor protection.

In the context of Uzbekistan's broader economic reforms, the development of an arbitration-friendly enforcement regime has become particularly important. As foreign investment continues to increase and cross-border transactions become more sophisticated, confidence in the country's approach to arbitral award enforcement plays a significant role in shaping perceptions of legal certainty and investment security.

4.2. Uzbekistan and the New York Convention

The cornerstone of the international system for enforcement of arbitral awards is the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 1958, commonly known as the New York Convention. The Convention is widely regarded as one of the most successful international treaties in the field of commercial law and has been ratified by more than 170 states. Uzbekistan acceded to the New York Convention in 1996, thereby undertaking an international obligation to recognize and enforce foreign arbitral awards subject only to limited exceptions established by the Convention itself. This accession represented an important step toward integration into the global commercial and investment framework.

The significance of the New York Convention cannot be overstated. Unlike court judgments, which often require bilateral or multilateral treaties to facilitate cross-border recognition, arbitral awards benefit from a universal enforcement mechanism. This creates a degree of predictability that is highly valued by international businesses. Through its participation in the Convention, Uzbekistan has committed itself to ensuring that foreign arbitral awards are recognized and enforced under conditions that are no more burdensome than those applied to domestic awards. This principle promotes legal certainty and reinforces confidence in arbitration as a dispute resolution mechanism.

Moreover, accession to the Convention demonstrates Uzbekistan's willingness to align its legal system with international standards governing commercial dispute resolution. For foreign investors, this commitment serves as an important signal regarding the country's openness to international commerce and its respect for contractual obligations.

4.3. National Legal Framework Governing Enforcement

The adoption of the Law on International Commercial Arbitration significantly strengthened the domestic legal framework governing recognition and enforcement of arbitral awards. The legislation incorporates many of the principles reflected in the New York Convention and the UNCITRAL Model Law, thereby promoting consistency between international obligations and domestic law.

Under the current legal framework, both domestic courts and arbitral tribunals operate within a system that generally favors enforcement while limiting opportunities for excessive judicial intervention. This approach reflects a fundamental principle of modern arbitration law: courts should support arbitration rather than compete with it. The law establishes clear procedures for recognition and enforcement while preserving judicial safeguards necessary to protect public policy and procedural fairness. Importantly, the grounds upon which courts may refuse recognition or enforcement remain limited and largely consistent with internationally accepted standards. This legislative approach contributes to predictability and reduces the risk of arbitrary judicial interference. For commercial parties, such predictability is essential because it allows them to evaluate legal risks with greater confidence when entering contractual relationships.

4.4. Grounds for Refusal of Recognition and Enforcement

Although the New York Convention strongly favors enforcement, it recognizes that certain exceptional circumstances may justify refusal. These exceptions are narrowly defined and are intended to balance the principle of enforceability with the protection of fundamental procedural rights.

The principal grounds for refusal generally include:

- incapacity of a party to the arbitration agreement;
- invalidity of the arbitration agreement;
- lack of proper notice regarding appointment of arbitrators or arbitration proceedings;
- inability of a party to present its case;
- awards dealing with matters beyond the scope of the arbitration agreement;
- irregularities in the composition of the arbitral tribunal or arbitral procedure;
- situations where the award has been set aside or suspended at the seat of arbitration;
- non-arbitrability of the dispute under domestic law;
- conflict with public policy.

These grounds are widely recognized in international arbitration practice and are interpreted restrictively in most arbitration-friendly jurisdictions. Such restrictive interpretation is essential because excessive reliance upon refusal grounds would undermine the effectiveness of the arbitration system.

For Uzbekistan, maintaining a balanced and internationally consistent approach to these exceptions remains critical. Investors and commercial actors expect enforcement

decisions to be guided by internationally accepted principles rather than by protectionist or overly formalistic considerations.

4.5. Judicial Practice and Institutional Development

The practical effectiveness of arbitration depends not only on legislation but also on the manner in which courts interpret and apply legal rules. Consequently, judicial understanding of arbitration principles represents an essential component of an arbitration-friendly environment.

In recent years, Uzbekistan has undertaken broader judicial reforms aimed at strengthening professionalism, improving legal certainty, and enhancing the quality of judicial decision-making. These reforms have created favorable conditions for the development of arbitration-related jurisprudence.

As arbitration cases become more frequent, courts increasingly encounter issues involving arbitration agreements, interim measures, jurisdictional challenges, recognition of awards, and enforcement procedures. This gradual accumulation of practical experience contributes to the formation of a more sophisticated legal environment for arbitration. Capacity-building initiatives involving judges, arbitrators, lawyers, and academics have also played an important role. Educational programs, international conferences, and cooperation with foreign arbitration institutions help promote consistent understanding of international arbitration standards and best practices. The continued development of specialized expertise within the judiciary will be particularly important as Uzbekistan seeks to establish itself as a preferred regional arbitration venue.

4.6. Remaining Challenges

Despite substantial progress, several challenges continue to affect the practical operation of the enforcement regime.

First, the relative novelty of the arbitration framework means that judicial practice remains limited when compared with established arbitration jurisdictions such as England, France, Switzerland, Singapore, or Hong Kong. As a result, certain legal questions may require further clarification through judicial decisions and scholarly analysis; Second, awareness of arbitration among businesses, legal practitioners, and public institutions remains uneven. Some parties continue to prefer traditional litigation despite the advantages offered by arbitration. Increased outreach and education may therefore be necessary to promote greater utilization of arbitral mechanisms; Third, the growing digitalization of commerce raises new enforcement-related questions. Digital assets, cryptocurrencies, decentralized transactions, and online business models may create novel challenges for recognition and execution procedures. Future reforms may need to address these issues more explicitly; Finally, as Uzbekistan seeks to attract increasingly sophisticated international disputes, expectations regarding efficiency, transparency, and procedural predictability will continue to rise. Maintaining confidence among international users will require ongoing institutional development and continuous adaptation to evolving global standards.

4.7. Toward an Arbitration-Friendly Enforcement Culture

The future success of arbitration in Uzbekistan will depend not only on formal legal rules but also on the emergence of an arbitration-friendly legal culture. Such a culture requires cooperation among courts, arbitral institutions, legal practitioners, businesses, and policymakers.

The combination of modern legislation, participation in the New York Convention, judicial reform, and the growing role of TIAC has created a strong foundation for the development of such a culture. While challenges remain, the overall trajectory of reform indicates a clear commitment to strengthening the enforceability of arbitral awards and enhancing confidence in arbitration as a mechanism for resolving international commercial disputes.

In this respect, Uzbekistan has moved beyond the initial stage of legislative modernization and entered a period focused on practical implementation, institutional consolidation, and long-term development. The effectiveness of these efforts will significantly influence the country's ability to position itself as a leading arbitration jurisdiction in Central Asia and the broader Eurasian region.

5. Digitalization, Artificial Intelligence and the Future of Arbitration in Uzbekistan

5.1. The Digital Transformation of International Arbitration

The global arbitration landscape is undergoing a profound transformation driven by technological innovation, digitalization, and the rapid evolution of the digital economy. Over the past decade, technological developments have fundamentally altered the manner in which commercial transactions are conducted, evidence is generated and stored, and disputes are resolved. Arbitration institutions worldwide have responded by introducing digital tools designed to improve efficiency, accessibility, and cost-effectiveness.

The COVID-19 pandemic accelerated this transformation. Measures restricting international travel and physical gatherings forced arbitral institutions, tribunals, legal practitioners, and parties to adopt remote working methods almost overnight. What initially emerged as a temporary solution has evolved into a permanent feature of modern arbitration practice. Today, electronic filing systems, online case management platforms, virtual hearings, cloud-based document repositories, electronic evidence presentation tools, and digital communication platforms have become standard components of international arbitration proceedings. Leading institutions such as the ICC, LCIA, SIAC, HKIAC, SCC, and ICDR have incorporated technology into their procedural frameworks and administrative practices.

For emerging arbitration jurisdictions such as Uzbekistan, digitalization presents a unique opportunity. Unlike older institutions burdened by legacy systems and entrenched procedural traditions, newer arbitration centers possess greater flexibility to adopt innovative approaches and integrate advanced technologies from the outset.

5.2. TIAC and Digital Innovation

One of the distinguishing characteristics of the Tashkent International Arbitration Centre has been its willingness to embrace technological modernization. Since its establishment, TIAC has positioned itself as a modern institution capable of responding to the needs of contemporary commercial actors operating in an increasingly digital environment.

TIAC's procedural framework supports extensive use of electronic communications and remote participation mechanisms. Parties are able to exchange submissions electronically, conduct virtual meetings, and utilize digital platforms for case administration. These features contribute significantly to reducing transaction costs and increasing accessibility for users located in different jurisdictions. The importance of such flexibility is particularly evident in the Central Asian context. Businesses operating across multiple countries frequently face logistical challenges associated with travel, language, and infrastructure. Digital procedures help overcome these barriers and enable more efficient participation in arbitration proceedings.

Furthermore, the availability of virtual hearings may significantly reduce the overall cost of dispute resolution. Traditional arbitration often requires substantial expenditure on travel, accommodation, venue rental, and logistical support. Remote participation minimizes many of these costs while preserving procedural fairness and due process. The growing acceptance of digital arbitration also aligns with Uzbekistan's broader national strategy aimed at promoting digital transformation, technological modernization, and development of the digital economy.

5.3. Artificial Intelligence and Arbitration

Perhaps the most significant technological development affecting arbitration today is the emergence of artificial intelligence (AI). Although AI has not replaced human decision-makers, it is increasingly influencing various stages of dispute resolution.

AI technologies are currently being utilized for:

- document review and classification;
- legal research;
- predictive analytics;
- case management;
- contract analysis;
- translation services;
- evidence organization;
- preparation of procedural documents.

Large language models and advanced machine learning systems can analyze vast quantities of information in a fraction of the time required by human professionals. As a result, arbitration practitioners increasingly rely on AI-assisted tools to improve efficiency and reduce costs.

In complex international disputes involving thousands of documents, AI-assisted review can significantly accelerate the identification of relevant evidence. Similarly, natural language processing technologies can facilitate multilingual proceedings by improving translation quality and reducing linguistic barriers.

These developments are particularly relevant for international arbitration because disputes frequently involve parties from different legal systems, languages, and cultural backgrounds. Efficient processing of large quantities of information can contribute substantially to procedural economy.

However, the growing use of AI also raises important legal and ethical concerns.

5.4. Risks Associated with Artificial Intelligence in Arbitration

Despite its potential benefits, artificial intelligence presents several challenges that must be carefully managed.

The first concern relates to accuracy and reliability. AI systems are capable of generating convincing but factually incorrect information, a phenomenon commonly referred to as "hallucination." Reliance upon inaccurate outputs may undermine the quality of legal analysis and potentially affect procedural fairness; Second, transparency remains a significant challenge. Many AI systems operate as "black boxes," making it difficult to understand how particular outputs are generated. In the context of arbitration, where legitimacy depends upon reasoned decision-making, lack of transparency may raise concerns regarding accountability; Third, confidentiality and data protection issues require particular attention. Arbitration is traditionally valued for its confidential nature. The use of AI tools often involves processing sensitive commercial information, trade secrets, financial data, and proprietary business materials. Appropriate safeguards must therefore be implemented to ensure compliance with confidentiality obligations; Fourth, excessive reliance upon AI may create risks for procedural fairness and due process. While AI can assist legal professionals and arbitrators, decision-making authority must remain with human actors. International arbitration is ultimately founded upon human judgment, legal reasoning, and evaluation of evidence.

Consequently, AI should be viewed as a tool that supports rather than replaces arbitrators and legal practitioners.

5.5. International Responses to AI in Arbitration

Recognizing both the opportunities and risks associated with AI, various international organizations have begun developing guidelines governing its use in dispute resolution.

Professional associations and arbitral institutions increasingly emphasize several fundamental principles:

- human oversight of AI-assisted processes;
- transparency regarding use of AI tools;
- protection of confidentiality and data security;
- preservation of procedural fairness;
- accountability for AI-generated outputs.

These principles reflect a growing consensus that technological innovation must be balanced against fundamental procedural guarantees.

The debate surrounding AI also highlights broader questions concerning the future role of legal professionals. Rather than eliminating lawyers and arbitrators, AI is likely to transform their work by automating routine tasks and allowing greater focus on strategic analysis, advocacy, and decision-making.

5.6. Opportunities for Uzbekistan

For Uzbekistan, technological transformation presents both challenges and opportunities.

The country possesses a relatively young arbitration ecosystem and therefore has the advantage of being able to incorporate modern technologies without extensive institutional restructuring. TIAC can continue positioning itself as one of the most technologically advanced arbitration institutions in the region.

Several potential initiatives may strengthen this position:

- development of fully integrated online case management systems;
- implementation of secure digital evidence platforms;
- adoption of AI-assisted administrative tools;
- creation of cybersecurity protocols for arbitration proceedings;
- development of guidance regarding responsible use of AI by parties and arbitrators;
- specialized training programs on digital dispute resolution.

Such measures could significantly enhance the attractiveness of Uzbekistan as a venue for international arbitration.

Furthermore, the intersection between arbitration and the digital economy is likely to become increasingly important. As fintech, blockchain technologies, smart contracts, digital assets, and artificial intelligence continue to reshape commercial activity, demand for specialized dispute resolution mechanisms will inevitably increase.

TIAC has the opportunity to position itself as a regional leader in resolving technology-related disputes and disputes arising from the digital economy.

5.7. Looking Ahead

The future of international arbitration will be shaped not only by legal reforms but also by technological innovation. Institutions capable of combining procedural integrity with technological adaptability will be best positioned to compete in an increasingly globalized dispute resolution market.

Uzbekistan's recent reforms, combined with the development of TIAC and broader national digitalization initiatives, provide a strong foundation for future growth. Nevertheless, continued investment in institutional capacity, technological infrastructure, professional training, and international cooperation will remain essential.

If these efforts continue, Uzbekistan may emerge not only as a regional arbitration hub but also as a center for innovation in digital dispute resolution. The integration of modern technology, responsible use of artificial intelligence, and adherence to international

best practices could enable the country to play an increasingly important role within the evolving global arbitration ecosystem.

6. Challenges, Recommendations and Future Perspectives

6.1. Remaining Challenges in the Development of Arbitration in Uzbekistan

Despite the significant progress achieved over the past decade, Uzbekistan's arbitration framework remains in a relatively early stage of institutional development when compared with long-established arbitration jurisdictions. The adoption of modern legislation and the successful establishment of TIAC have created a strong foundation; however, a number of structural, institutional, and practical challenges continue to influence the effectiveness and international competitiveness of the country's arbitration ecosystem.

The first challenge concerns the relatively limited body of arbitration-related jurisprudence. Established arbitration centers such as London, Paris, Singapore, Geneva, and Hong Kong benefit from decades of judicial practice interpreting arbitration agreements, procedural issues, recognition of awards, and public policy exceptions. Uzbekistan, by contrast, is still developing its own body of judicial experience in these areas. While this situation is natural for a relatively young arbitration jurisdiction, consistency and predictability in judicial decision-making will remain essential for strengthening confidence among international investors and commercial actors.

A second challenge relates to professional capacity. The success of any arbitration system depends heavily upon the availability of qualified arbitrators, arbitration counsel, experts, translators, and judges familiar with international arbitration standards. Although considerable progress has been made through educational programs and professional initiatives, continued investment in capacity-building remains necessary.

Third, awareness of arbitration among domestic businesses remains uneven. Many commercial entities continue to rely primarily on litigation despite the advantages offered by arbitration. Increasing awareness of arbitration clauses, institutional arbitration, mediation-arbitration mechanisms, and alternative dispute resolution tools may contribute to broader utilization of modern dispute resolution mechanisms.

Fourth, the rapid evolution of technology generates new legal questions that existing frameworks may not fully address. Smart contracts, blockchain-based transactions, decentralized finance (DeFi), digital assets, artificial intelligence applications, and platform-based business models are creating disputes that differ significantly from traditional commercial conflicts. Arbitration institutions must continuously adapt to these developments.

Finally, competition among arbitration centers has intensified considerably. Businesses today can choose among numerous institutions located in Europe, Asia, the Middle East, and North America. To remain competitive, emerging institutions such as TIAC must demonstrate efficiency, neutrality, technological sophistication, and high-quality case administration.

6.2. Strengthening Judicial Support for Arbitration

One of the most important factors determining the long-term success of arbitration in Uzbekistan will be the continued development of an arbitration-supportive judiciary.

International experience demonstrates that successful arbitration jurisdictions are characterized not by complete judicial disengagement but rather by constructive judicial support. Courts play a critical role in enforcing arbitration agreements, assisting with interim measures, recognizing arbitral awards, and ensuring procedural integrity.

Accordingly, continued judicial training on international arbitration principles should remain a priority. Specialized programs focusing on the New York Convention, the UNCITRAL Model Law, comparative arbitration jurisprudence, and emerging issues in digital dispute resolution may contribute significantly to the consistency and predictability of judicial practice.

Closer interaction between courts, arbitral institutions, universities, and professional organizations may further strengthen institutional understanding of arbitration and facilitate the development of coherent legal approaches.

6.3. Expanding TIAC's International Presence

For TIAC to achieve its full potential as a regional arbitration hub, continued internationalization will be essential.

The credibility of arbitral institutions depends largely upon their visibility within the international arbitration community. Consequently, TIAC should continue expanding cooperation with leading arbitral institutions, international organizations, universities, and professional associations.

Participation in international conferences, publication of arbitration-related research, organization of specialized forums, and development of regional cooperation initiatives can significantly enhance institutional recognition.

Particular attention should be devoted to strengthening cooperation within Central Asia. The region's growing economic integration creates opportunities for TIAC to position itself as the preferred forum for resolving disputes arising from cross-border trade, infrastructure development, energy projects, transportation corridors, and investment activities.

Furthermore, increased participation of foreign arbitrators, experts, and practitioners in TIAC-administered proceedings can contribute to institutional credibility and reinforce confidence among international users.

6.4. Digitalization as a Strategic Advantage

Unlike many traditional institutions, TIAC possesses an opportunity to build its future around digital innovation rather than merely adapting existing structures.

The next generation of arbitration users will increasingly expect:

- fully digital case management;
- secure online hearing platforms;
- advanced cybersecurity protections;
- efficient management of electronic evidence;
- integration of AI-assisted administrative tools;

- seamless cross-border participation.

Institutions capable of providing these services effectively may gain significant competitive advantages.

For Uzbekistan, embracing digitalization is particularly consistent with broader national policies aimed at promoting technological innovation, e-government, digital transformation, and development of the digital economy.

The adoption of advanced technologies should, however, remain guided by fundamental principles of fairness, transparency, confidentiality, and human oversight. Technological efficiency must never undermine procedural legitimacy.

6.5. Arbitration and the Future Investment Climate

The quality of dispute resolution mechanisms increasingly influences international investment decisions. Investors seek not only favorable economic conditions but also confidence that disputes can be resolved efficiently, fairly, and predictably.

In this regard, arbitration should be viewed as an integral component of Uzbekistan's broader investment strategy. Effective arbitration institutions contribute to:

- reduction of transaction costs;
- enhancement of legal certainty;
- protection of investor rights;
- improvement of contractual enforcement;
- strengthening of business confidence.

As Uzbekistan continues pursuing economic modernization and regional integration, the role of arbitration is likely to become increasingly important.

Particularly significant opportunities exist in sectors such as:

- energy and renewable energy;
- infrastructure development;
- public-private partnerships;
- construction and engineering;
- telecommunications;
- financial services;
- digital technologies.

These sectors generate complex legal relationships that often require sophisticated dispute resolution mechanisms capable of addressing cross-border legal and commercial issues.

6.6. Future Perspectives

The trajectory of arbitration development in Uzbekistan over the past several years demonstrates a clear commitment to modernization, international integration, and institutional improvement.

Several trends are likely to shape the future evolution of the system:

- First, continued harmonization with international arbitration standards will strengthen Uzbekistan's attractiveness as a seat of arbitration.
- Second, further development of TIAC is likely to enhance the country's visibility within the global arbitration community.

- Third, increasing digitalization and responsible use of artificial intelligence may position Uzbekistan as a regional leader in technology-enabled dispute resolution.
- Fourth, growing regional economic integration may generate increased demand for arbitration services and reinforce TIAC's role as a Central Asian arbitration hub.
- Finally, continued collaboration among government institutions, courts, arbitral institutions, universities, legal practitioners, and international partners will be essential for ensuring sustainable long-term development.

Conclusion

The evolution of international commercial arbitration in Uzbekistan represents one of the most significant legal reform achievements of the country's recent modernization process. Through the adoption of the Law on International Commercial Arbitration in 2021, Uzbekistan established a comprehensive legal framework aligned with internationally recognized principles and standards.

The creation and rapid development of the Tashkent International Arbitration Centre has further strengthened the country's dispute resolution infrastructure and contributed to the emergence of a modern arbitration ecosystem capable of serving both domestic and international users. Uzbekistan's participation in the New York Convention, growing judicial support for arbitration, and broader legal reforms have collectively enhanced legal certainty and improved the country's attractiveness as a destination for international business and investment.

At the same time, the future of arbitration will increasingly be influenced by technological innovation, digitalization, and artificial intelligence. TIAC's willingness to embrace these developments places it in a favorable position to respond to evolving user expectations and emerging forms of commercial activity. Although challenges remain, including the need for continued capacity-building, development of arbitration culture, strengthening of judicial expertise, and adaptation to technological change, the overall direction of reform is clear. Uzbekistan has moved beyond the initial stage of legislative modernization and entered a phase of institutional consolidation and international engagement.

If current reform efforts continue, Uzbekistan has the potential to establish itself not only as a leading arbitration jurisdiction in Central Asia but also as a recognized participant in the broader global arbitration community. The combination of modern legislation, institutional innovation, international cooperation, and technological adaptation provides a solid foundation for achieving this objective.

PS: Dr. Anna Vladimirovna Ubaydullaeva is a PhD in Law, Acting Associate Professor, international arbitrator, mediator, and legal researcher based in Uzbekistan. She serves as an arbitrator at several international arbitration institutions and has extensive experience in international law, dispute resolution, digital economy regulation, artificial intelligence governance, and intellectual property law. Dr. Ubaydullaeva is affiliated with Tashkent State University of Law and participates in a number of international academic and regulatory initiatives. Her research focuses on international commercial arbitration, AI and law, digital governance, and comparative legal studies.

References

1. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL), UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, 1985 (with amendments adopted in 2006).
2. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, New York, 10 June 1958.
3. Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-674 "On International Commercial Arbitration", 16 February 2021.
4. Born, G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021.
5. Redfern, A., Hunter, M., Blackaby, N., and Partasides, C. Redfern and Hunter on International Arbitration. 7th ed. Oxford University Press, 2022.
6. Lew, J., Mistelis, L., and Kröll, S. Comparative International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 2003.
7. Tashkent International Arbitration Centre (TIAC), Arbitration Rules.
8. Moses, M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. Cambridge University Press, 2017.
9. Queen Mary University of London and White & Case, International Arbitration Survey (latest editions).
10. UNCITRAL Secretariat Guide on the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York Convention).
11. Carbonneau, T. The Law and Practice of Arbitration. Juris Publishing, 2018.
12. Park, W. Arbitration of International Business Disputes. Oxford University Press, 2012.
13. Scherer, M., Bassiri, M., and Mohamed, R. International Arbitration and the Digital Economy. Kluwer Law International, 2023.
14. Silicon Valley Arbitration & Mediation Center (SVAMC), Guidelines on the Use of Artificial Intelligence in Arbitration, 2024.
15. International Bar Association (IBA), Rules on the Taking of Evidence in International Arbitration, 2020.

Chamber of Arbitrators

Издание о международном арбитраже

Главный редактор:

Виталий Крейдич

Заместители главного редактора:

Валерия Дубешко,

Кристина Ивашкова

Верстка и дизайн:

Евгений Бондаренко

Учредитель:

Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при Союзе юристов»

Адрес: 220029, Республика Беларусь, г. Минск, ул. А.Пашкевич, 9-5Н

E-mail: info@arbchamber.by

Информационный партнер:

CIS Arbitration Forum

<http://cisarbitration.com/>